

А И Л И Н

НАСЛЕДИЕ ЗУЛТАН

ПОСЛЕ ГРАНИЦЫ

ИНОГДА
САМАЯ БОЛЬШАЯ
СВОБОДА
НАЧИНАЕТСЯ
С ОДНОГО
ШАГА

МИРЫ БЛИЖЕ,
ЧЕМ КАЖЕТСЯ

Айлин

Наследие Зултан. После границы

«Автор»

2026

Айлин

Наследие Зултан. После границы / Айлин — «Автор», 2026

Что происходит после того, как заканчивается великая битва и исчезает угроза разрушения миров? Героям предстоит научиться жить без постоянной борьбы, принимать прошлое, отпускать близких и искать собственное место в изменившейся реальности. Но за последней границей их ждёт, возможно, самое сложное испытание — свобода быть собой.

© Айлин, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. После	5
Глава 2. То, что осталось	11
Глава 3. Место, куда никто не зовёт	19
Глава 4. Виолетта знает	26
Глава 5. Как тебя зовут	34
Глава 6. Слова, которые остаются	46
Глава 7. Люди, которые не знают	55
Глава 8. То, что выбирают не навсегда	65
Глава 9. Представиться	75
Глава 10. Своё имя	86
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Айлин

Наследие Зултан. После границы

Глава 1. После

Первый Дом просыпался теперь иначе.

Леон заметил это лишь через несколько недель: по утрам он больше не прислушивался к тишине, пытаясь понять, чего она от него требует. Прежде молчание Пути могло означать новую дорогу, отсутствие Елены — расстояние, которое невозможно измерить ни шагами, ни годами. Даже в спокойные дни он ждал известий о том, что происходило за границей Дома.

Теперь с кухни доносился шум закипающего чайника. Иногда этого было достаточно.

В то утро Леон проснулся от шагов в коридоре, полежал несколько секунд с закрытыми глазами, прислушиваясь к торопливому топоту, потом услышал приглушённое ругательство, звук упавшего предмета и почти сразу голос Джеки:

— Ян.

— Я поднял.

— Я ничего не сказал.

— Ты собирался.

Леон улыбнулся, не открывая глаз.

За стеной что-то снова стукнуло.

— Это тоже поднял, — сообщил Ян.

— Я всё ещё ничего не сказал.

— Вот именно это и раздражает.

Шаги удалились к лестнице. Через несколько секунд хлопнула дверь ванной, закрипела ступенька, которую уже несколько месяцев собирались починить; на кухне кто-то слишком резко открыл шкаф, и, судя по звуку, оттуда вывалилась крышка от кастрюли. Леон улыбался: тревожиться было не о чем. Он открыл глаза.

За окном только начинало светать. Ночью шёл дождь, и теперь стекло было покрыто мелкими каплями, за которыми сад выглядел чуть размытым, словно кто-то провёл по нему влажной кистью. Ветки старой яблони почти касались окна, тяжёлые от воды листья опустились ниже обычного, а дальше, за ними, серело небо.

Он ещё немного полежал. Когда-то казалось: стоит найти Елену — исчезнет напряжение между лопатками, мир встанет на место и больше ничего не придётся искать. За триста лет он представлял себе это утро бессчётное количество раз.

Он нашёл мать, а потом наступил следующий день. Потом ещё один. Елена не поселилась в Первом Доме, не стала приходить каждое утро и не пыталась заполнить три столетия разговорами. В первый месяц Леон злился сильнее, чем хотел признавать. Теперь — почти нет.

Леон отбросил одеяло, оделся и вышел в коридор.

У двери комнаты Яна он остановился. Обычная деревянная дверь была закрыта. Снаружи висела табличка, найденная неизвестно где: Ян закрасил прежние буквы и вывел поверх:

СТУЧАТЬ. ДАЖЕ ЕСЛИ ВЫ ДЖЕКИ.

Ниже значительно меньшими буквами было дописано:

ОСОБЕННО ЕСЛИ ВЫ ДЖЕКИ.

Леон усмехнулся и спустился вниз, оставив дверь закрытой.

На кухне уже сидела Виолетта, обхватив ладонями большую кружку. Волосы она собрала кое-как, несколько прядей выбились и падали на лицо, но, судя по выражению, исправлять это она не собиралась.

— Доброе утро, — сказал Леон.

— Это пока не доказано.

— Ян уже проснулся.

— Тогда шансы действительно невелики.

Леон налил себе чай и сел напротив.

На столе лежали учебники, тетрадь по физике, два карандаша, один носок и яблоко.

Он посмотрел на носок.

Виолетта проследила за его взглядом.

— Не спрашивай.

— Не собирался.

— Правильная стратегия.

Сверху снова слышались шаги.

Через минуту Ян влетел на кухню с рюкзаком на одном плече, рубашкой, застёгнутой явно в спешке, и выражением человека, которому весь мир с самого утра мешал выполнять очень важную миссию.

— Где моя тетрадь?

Виолетта молча указала на стол.

Ян посмотрел на неё.

— Почему она здесь?

— Потому что ты вчера здесь её оставил.

— Я помню, что унёс её наверх.

— Значит, у нас завёлся кто-то, кто по ночам переносит школьные принадлежности.

Ян нахмурился, словно на мгновение действительно допустил такую возможность.

В этом доме подобные предположения нельзя было отвергать слишком быстро.

— Путь? — спросил он.

— Нет, — сказала Виолетта.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я видела, как ты оставил её здесь.

Ян вздохнул, схватил тетрадь и начал запихивать её в рюкзак.

Джеки появился в дверях и молча посмотрел на Яна. Тот замер с рюкзаком в руках.

— Что?

— Ничего.

— Ты опять так смотришь.

— Как?

— Как будто собираешься спросить, взял ли я всё.

Джеки выдержал короткую паузу.

— Взял?

— Да.

— Тогда хорошо.

Ян застегнул рюкзак. Джеки перевёл взгляд на лежащий на столе носок, потом снова на него.

— Это не мой, — быстро сказал тот.

— Я ничего не спрашивал.

— Но посмотрел.

— Мне нельзя смотреть на носки?

— Можно. Просто не на мои.

Виолетта спрятала улыбку за кружкой.

Леон ждал, что Джеки потянется к рюкзаку или начнёт спрашивать про уроки. Тот ещё раз посмотрел на Яна, но спросил только:

— Когда будешь?

Ян уже направлялся к двери, но остановился.

— Не знаю точно.

Джеки едва заметно напрягся.

Леон увидел это. Виолетта, вероятно, тоже.

— После уроков мы с Марком хотели зайти в одно место, — добавил Ян. — Там рядом с библиотекой открыли компьютерный клуб. Не играть. Ну... может, немного. Но вообще Марк сказал, что там есть старые платы, которые можно разбирать.

Джеки помолчал.

— Марк — это который...

Ян посмотрел на него.

Джеки остановился.

— Хорошо, — сказал он. — Во сколько собираешься домой?

— Около семи.

— Всё.

Ян явно ожидал продолжения.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— И ты не спросишь, кто такой Марк?

— Ты рассказывал.

— Один раз.

— Я запомнил.

— А где этот клуб?

Джеки вздохнул.

— Ян.

— Просто проверяю.

На этот раз рассмеялась Виолетта.

Ян довольно улыбнулся, схватил со стола яблоко и выбежал из кухни.

Через несколько мгновений хлопнула входная дверь.

Джеки остался у двери и ещё немного смотрел вслед Яну.

— Ты справился, — сказала Виолетта.

— Не начинай.

— Я ничего.

— Вот именно это и раздражает.

Леон рассмеялся.

Джеки бросил на него мрачный взгляд, но через мгновение тоже улыбнулся.

За окнами светлело; с верхнего этажа снова донеслись шаги.

◆

Около полудня через садовую дверь вошёл Путь. За прошедшие месяцы Леон привык к его голосу, но человеческий облик всё ещё удивлял: прежде приходилось искать на стене белую линию. Теперь перед ним стоял человек в совершенно сухих сапогах, хотя трава снаружи была мокрой.

Виолетта, сидевшая у окна с книгой, подняла голову.

— Где ты был?

Путь остановился, обдумывая ответ.

— Далеко, — сказал он наконец.

Виолетта подождала продолжения и, не дождавшись, снова опустила глаза к книге.

— Хорошо.

Путь остался стоять.

— Ты не спросишь где?

— А ты хочешь рассказать?

Он задумался.

— Нет.

— Тогда не спрошу.

Путь подошёл к окну, но вместо того чтобы смотреть в сад, обернулся к ней.

— Я раньше думал, что если кто-то задаёт вопрос, ему обязательно нужен ответ.

— Иногда нужен.

— Но ты спросила.

— Да.

— И теперь тебе не нужен?

Виолетта заложила страницу пальцем.

— Мне было интересно, где ты был. Это не означает, что я имею право знать.

Путь долго смотрел на неё.

— Это сложно.

— Да.

— Вы всё время так живёте?

Виолетта улыбнулась.

— В основном плохо, но стараемся.

Он кивнул и вышел. Виолетта вернулась к чтению. Леон наблюдал от лестницы: ещё несколько месяцев назад такой разговор показался бы ему невозможным. Теперь у Пути было место, о котором он мог не рассказывать.

Елена в тот день не пришла. Говорила, что, возможно, будет; не обещала. И всё-таки к вечеру Леон несколько раз посмотрел в сад, где обычно возникало её направление. В пять часов сказал себе, что не ждёт. В шесть снова обнаружил себя возле окна, а в половине седьмого разозлился — на себя.

Триста лет ожидания не исчезли за несколько месяцев. Леон вышел на веранду.

После ночного дождя воздух оставался влажным и прохладным. От земли пахло травой, мокрой древесиной и опавшей листвой. Леон сел на ступеньку. Когда-то отсутствие Елены означало неизвестность; теперь он знал только, что сегодня её нет рядом. Убедить себя, что это разные вещи, пока удавалось не всегда.

Он достал из кармана камень, подаренный Еленой при последней встрече: гладкий, тёмный, с тонкой светлой полосой. Она нашла его возле воды и почему-то решила принести сыну. Камень не открывал направлений; можно было лишь погладить его большим пальцем и снова убрать в карман.

После трёхсот лет поисков Леон ждал ответов и объяснений. Елена принесла камень. Он подержал его на ладони и убрал. Она ещё придёт, хотя сегодня, похоже, уже нет.

За его спиной тихо скрипнула дверь.

Он решил, что это Виолетта, и не обернулся.

— Леон.

Леон замер и медленно повернулся. Голос всё ещё звучал непривычно. У края веранды воздух казался глубже; там проступила тонкая линия. Существо научилось приходить к обозначенной границе, не размывая окружающее пространство.

— Можно? — спросило существо.

Леон посмотрел на линию у края веранды.

— Можно.

Присутствие стало отчётливее, но границу не пересекло.

— Я хотело спросить.

— Спрашивай.

После паузы существо продолжило. Леон не знал, требовалось ли ему время подумать или оно переняло эту привычку у людей.

— Ян сегодня ушёл.

— В школу.

— Я знаю.

— Тогда что ты хочешь спросить?

Снова тишина.

— Он ушёл потому, что хотел?

Леон нахмурился.

— В школу? Не уверен, что Ян сформулировал бы это именно так.

Существо не отреагировало на шутку.

— Он может уйти из Первого Дома.

— Может.

— И вернуться.

— Да.

— А если он не захочет возвращаться?

Леон посмотрел в сад. Он ещё не думал о дне, когда Ян уйдёт из Дома навсегда.

— Когда-нибудь, наверное, так и будет.

— И вы позволите?

Ответить сразу не получилось. Вспомнились утренний рюкзак, Джеки, сдержавший вопросы, и табличка на закрытой двери: «Особенно если вы Джеки».

— Это не совсем то, что мы можем позволить или запретить, — сказал Леон наконец.
— Его жизнь принадлежит ему.

Существо долго молчало.

— Потому что он отдельный?

— Да.

— Даже если вам будет плохо?

Леон посмотрел на него.

— Даже тогда.

Воздух возле границы едва заметно дрогнул.

— Я понял.

Леон почти улыбнулся.

— Правда?

— Нет.

Теперь он рассмеялся и через мгновение услышал:

— Но я хочу понять.

Существо ушло так же тихо, как появилось.

Леон ещё немного смотрел на опустевшую границу. Путь оказался рядом так тихо, что он не заметил его появления.

— Оно задаёт больше вопросов, — сказал Леон.

— Да.

— Тебя это беспокоит?

Путь не ответил сразу.

Он смотрел на мокрый сад, на тёмные ветви яблони и на дорогу, которая начиналась за воротами и отсюда казалась совершенно обычной.

— Не знаю.

Леон повернулся к нему.

— Это полезный ответ? — спросил Путь.

Леон улыбнулся.

— Иногда самый полезный.

Где-то далеко хлопнула калитка.

Через минуту послышался голос Яна, рассказывавшего кому-то по дороге что-то громко и быстро, а затем голос Джеки, который явно собирался спросить, почему тот вернулся позже, но, судя по наступившей паузе, снова передумал.

В доме закрывали окна — становилось холодно. На кухне зажёгся свет, Виолетта пошла ставить чайник. Наверху закрылась дверь Яна. Леон услышал щелчок и остался на веранде ещё ненадолго.

После трёхсот лет поисков, дорог, исчезновений и возвращений оказалось, что слово «после» не означает конец.

Оно означает утро, которое всё равно наступает на следующий день.

Глава 2. То, что осталось

Елена пришла на следующий день ближе к полудню. До этого Леон успел убедить себя, что совершенно не думает о её вчерашнем отсутствии.

Они с Кассиусом сидели за кухонным столом и разбирали старые записи о дорогах. Некоторые давно утратили практический смысл, но Кассиус хранил их с почтением, какое другие люди берегут для семейных реликвий. Переписывать тоже отказывался: «При переписывании неизбежно исчезает контекст». Что именно он однажды собирался делать с этим контекстом, Леон так и не понял.

На столе лежали листы, исписанные разными почерками, устаревшие карты и тетрадь с выцветшей обложкой. Кассиус уже третий день пытался её датировать.

— Здесь написано «до северного смещения», — сказал он, поднеся страницу ближе к окну. — Но непонятно, какого именно.

— Значит, это очень старая запись.

— Это не датировка.

— Для меня вполне.

Кассиус поднял на него глаза.

— Именно поэтому архивом занимаюсь я.

Леон собирался ответить, но заметил перемену за окном. Сад оставался прежним: влажная трава, старая яблоня, дорожка к воротам, поздние цветы возле стены. Между двумя деревьями возникла глубина, которой секунду назад там не было. Он замолчал.

Кассиус проследил за его взглядом.

— Иди, — сказал он.

— Я никуда не собирался.

— Конечно.

— Мы вообще-то работаем.

— Последние десять минут ты читаешь один и тот же абзац.

Леон посмотрел на лист перед собой.

— Он сложный.

— Там перечень переходов.

— Очень сложный перечень.

Кассиус усмехнулся и снова опустил голову к записям.

— Иди уже.

Леон поднялся и пошёл к выходу, стараясь не торопиться. Изображать безразличие после трёхсот лет поисков было глупо. Он всё же шёл медленнее, чем хотелось.

Елена стояла возле яблони.

На ней был длинный серый плащ, волосы она собрала на затылке, но ветер уже успел вытянуть несколько прядей, и теперь они касались её щеки. В одной руке она держала небольшую сумку.

Увидев Леона, она улыбнулась. Виноватой не выглядела, и это почему-то раздражало.

— Привет, — сказала она.

— Привет.

Елена посмотрела на Дом.

— Я вчера не пришла.

— Я заметил.

Она перевела взгляд на него.

Леон услышал, как резко прозвучал ответ. Несколько мгновений они стояли молча; Елена не оправдывалась, и он сердился ещё сильнее.

— Я думал, ты придёшь, — сказал он.

— Я тоже думала.

— Но не пришла.

— Не пришла.

Он не хотел устраивать сцену из-за одного вечера или заставлять Елену отчитываться за каждый час. Сунул руки в карманы, но мысль всё равно вернулась: ты опять не пришла. Ему было триста лет — и одновременно совсем мало.

Елена подошла ближе, не пытаясь обнять его прежде, чем они договорят.

— Я была у моря, — сказала она.

Леон нахмурился.

— Какого моря?

— Не знаю, как оно называется.

— Ты пропустила встречу со мной, потому что решила посмотреть на море?

— Да.

Леон уставился на неё: такого объяснения он не ожидал.

— Просто море?

— Просто море.

— Ничего не случилось? Ты никого не спасала, не удерживала пространство?

— Нет.

— Не пряталась? Не пыталась увести что-нибудь от Первого Дома?

Елена покачала головой.

— Я сидела на берегу.

Леон молчал.

— Почти весь день, — добавила она.

— Зачем?

Елена посмотрела куда-то мимо него, туда, где между деревьями ещё сохранялось открытое ею направление.

— Не знаю.

Леон хотел рассердиться, но представил её на берегу незнакомого моря — без погони и задачи, которую непременно надо выполнить. Может быть, вчера она наконец смогла просто смотреть на воду. Это не отменяло того, что он ждал.

— Можно было сказать. Хотя бы передать через Пути или открыть направление на минуту.

— Можно.

— Но ты этого не сделала.

Елена опустила взгляд.

— Нет.

Теперь Леону послышалось сожаление.

— Я подумала о тебе, — сказала она. — Несколько раз. Потом решила, что вернусь ещё через полчаса. Потом ещё через час. А потом начало темнеть, и я поняла, что не хочу уходить.

Леон усмехнулся без веселья.

— Прекрасно.

— Я знаю, как это звучит.

— Не уверен.

— Звучит так, будто после трёхсот лет отсутствия я нашла тебя и через несколько месяцев решила, что море интереснее.

— Примерно.

Елена неожиданно улыбнулась.

— Но дело было не в море, — сказала она.

— А в чём?

Она долго не отвечала.

Ветер прошёл по саду, зашуршал листьями и принёс запах сырой земли. Где-то возле крыши коротко вскрикнула птица.

— В том, что впервые никто меня не ждал там, потому что без меня что-нибудь погибнет. Леон перестал улыбаться.

— Я ждал.

— Понимаю.

— Тогда не говори, что никто.

— Хорошо. — Елена кивнула. — Ты ждал. Но ты был в безопасности. Первый Дом был в безопасности. Мне не нужно было возвращаться, чтобы кого-то спасти. Я могла вернуться потому, что хотела тебя увидеть.

Она сделала паузу.

— И вчера я не вернулась.

Леону было больно слышать, что она могла вернуться и не вернулась. Но Елена не пыталась назвать это спасением или долгом, и от её честности было трудно отмахнуться.

— Это довольно плохой способ строить отношения с сыном, — сказал он.

— Я только учусь.

— Триста лет поздновато начинать.

— У меня были обстоятельства.

— Серьёзные?

— Некоторые.

На этот раз он всё-таки рассмеялся.

Напряжение не исчезло полностью, но стало терпимым.

Елена протянула ему сумку.

— Что это?

— Не знаю.

— Очень содержательно.

— Купила по дороге.

Леон заглянул внутрь.

Там лежали круглые лепёшки, завёрнутые в ткань, небольшой кусок сыра и несколько странных тёмно-красных плодов.

— Ты принесла еду?

— Да.

— В качестве извинения?

Елена задумалась.

— Возможно.

— Тогда принимается.

Они пошли к дому.

У самых ступеней Леон остановился.

— Мам.

Елена повернулась.

Он редко называл её так. В этом коротком слове всё ещё отзывалось время, когда позвать мать было невозможно.

— В следующий раз скажи.

Елена кивнула.

— Скажу.

— Я не прошу тебя приходить каждый раз, когда мы договорились.

— Нет?

Леон вздохнул.

— Вообще-то прошу. Но если не придёшь — предупреди.

— Хорошо.

Он уже собирался войти, когда она добавила:

— А если я снова захочу остаться у моря?

Леон посмотрел на неё.

— Тогда оставайся.

Елена улыбнулась.

— Но предупреди, — добавил он.

— Обязательно.

Под вечер, когда Ян вернулся из школы, Елена выложила принесённую еду на общий стол. Он первым попробовал тёмно-красный плод и поспешно отложил: свело скулы.

— Ты драматизируешь, — сказала Виолетта.

— Попробуй.

— Я уже.

— И?

— Я умею контролировать лицо.

Ян недоверчиво посмотрел на неё.

Джеки взял один плод.

— Не надо, — предупредил Ян.

— Почему?

— Я о тебе забочусь.

— Спасибо.

— Видишь? Это неприятно, когда тебя всё время опекают.

Джеки медленно положил плод обратно.

— Это сейчас было специально?

— Возможно.

Кассиус, сидевший в конце стола, неожиданно хмыкнул.

— Что? — спросил Ян.

— Ничего.

— Все сегодня говорят «ничего», когда явно имеют в виду что-то другое.

— Это взрослая привилегия, — заметила Елена.

— Ужасная система.

Леон наблюдал за матерью. Она сидела за столом, но то и дело задерживала взгляд на простых вещах: на чайнике, который передавали из рук в руки, на Яне, спорившем с Джеки, на Виолетте, собиравшей крошки со скатерти. Елена ещё осваивалась здесь. Леон придвинул к ней блюдо с лепёшками; она взяла одну и вернулась к разговору.

Ян первым закончил есть и убежал наверх. Джеки отправился следом, но остановился возле лестницы и свернул в коридор.

Виолетта проводила его взглядом.

— Прогресс, — тихо сказала она.

— Я слышу, — отозвался Джеки из коридора.

— На это и рассчитывала.

Елена улыбнулась.

— Они всегда такие?

— Хуже, — ответил Леон.

— Значительно, — добавил Кассиус.

— Я тоже слышу! — крикнул Ян сверху.

Кассиус невозмутимо продолжил есть.

После еды Елена и Леон снова вышли в сад. Обычно разговор возвращался к прошлому: почему она ушла, где находилась, могла ли прийти раньше. Вопросов хватило бы ещё на годы. Сегодня Елена рассказывала про море.

Оказалось, вода там была почти чёрной, а песок — серым и очень мелким. На берегу стояли деревянные дома, жители сушили сети возле дверей и совершенно не удивились незнакомой женщине, появившейся утром со стороны дороги.

— Ты разговаривала с ними? — спросил Леон.

— С одной женщиной.

— О чём?

— Она спросила, кого я жду.

— И что ты ответила?

Елена улыбнулась.

— Что никого.

— Поверила?

— Нет. Села рядом и сказала, что тогда подождёт со мной.

Леон рассмеялся.

— Разумно.

— Мы просидели почти час.

— Молча?

— Почти.

— И тебе понравилось?

Елена задумалась.

— Очень.

Они дошли до края сада.

Дальше начиналась дорога, которая вела к воротам, а после них — туда, куда в этот день решал вести мир. Теперь это не всегда зависело от Пути. Некоторые направления научились существовать самостоятельно, другие появлялись только на время, третьи оставались нестабильными, и Кассиус тщательно заносил каждое изменение в свои бесконечные записи.

— Я думаю иногда уходить, — сказала Елена.

Леон остановился. Внутри сразу возникло знакомое напряжение.

— Не исчезать, — уточнила Елена.

Он медленно выдохнул.

— Формулировки у тебя замечательные.

— Я поняла.

— Немного поздно.

— Я хочу пожить в разных местах, — продолжила она. — Неделю. Может быть, месяц. Не знаю. Посмотреть, какие они.

— Зачем?

— Потому что могу.

Леон посмотрел на неё. Елена говорила спокойно, и в лице её было любопытство. Он не знал, любит ли она море или горы, какие книги читает для себя, умеет ли петь. Триста лет он искал мать; теперь перед ним стоял человек, о котором предстояло узнавать такие вещи.

— Ты вернёшься? — спросил он.

Елена посмотрела ему в глаза.

— Да.

Ему хотелось спросить когда, попросить оставить направление открытым. Леон сдержался и кивнул.

— Хорошо.
Они пошли дальше.

Когда стемнело, Елена ушла. Леон стоял возле веранды, пока закрывалось её направление. Ему хотелось позвать Пути и узнать, куда она отправилась; он вернулся в дом.

На втором этаже горел свет. Из-за закрытой двери Яна доносилась музыка. Джеки стоял у стены и смотрел на дверь.

— Что случилось? — спросил Леон.

— Ничего.

— Ты стоишь возле его двери.

— Я проходил.

— И остановился.

Джеки посмотрел на него.

— Он получил плохую оценку.

— Бывает.

— По физике.

— Это уже серьёзнее.

— Именно.

— Ты хочешь войти?

— Хочу.

— Тогда постучи.

Джеки помолчал.

— Он сказал, что не хочет обсуждать.

Леон кивнул.

— Значит, не стучи.

— Я знаю.

Джеки не уходил. Леон встал рядом; некоторое время оба слушали музыку.

— Это ужасно неудобная вещь, — сказал наконец Джеки.

— Что?

— Чужая свобода.

Леон усмехнулся.

— Да.

— Особенно когда ты точно знаешь, как другому было бы лучше.

— Особенно тогда.

Джеки бросил на него короткий взгляд.

— Ты сейчас о Яне?

— Не только.

Они ещё немного постояли возле закрытой двери, а потом Джеки первым развернулся и пошёл вниз.

Леон задержался. Музыка стала тише, слышались шаги. Он уже собирался уйти, когда Ян приоткрыл дверь и высунул голову.

— Вы чего тут стояли?

— Ничего.

— Опять?

— Взрослая привилегия.

Ян закатил глаза.

— Джеки где?

— Внизу.

— Он злится?

— Нет.

Ян немного помолчал.

— Я правда не хочу сейчас говорить про физику.

— Тогда не говори.

— Но завтра, может, захочу.

— Тогда поговоришь завтра.

Ян кивнул и снова закрыл дверь.

Леон пошёл вниз.

На лестнице ему встретился Путь.

Тот поднимался медленно, проводя ладонью по перилам, словно дерево всё ещё оставалось для него чем-то достойным отдельного изучения.

Они разминулись, но через несколько ступеней Путь остановился.

— Леон.

— Что?

— Елена ушла.

Леон тоже остановился.

— Да.

— Ты не пошёл за ней.

— Нет.

Путь некоторое время смотрел на него.

— Почему?

Леон задумался. Елена обещала вернуться, он хотел ей доверять — и всё же пока знал только, как сильно устал искать. Ни один ответ не казался полным.

— Потому что она знает, где я, — сказал он наконец.

Путь чуть нахмурился.

— Это важно?

— Очень.

— Даже если ты не знаешь, где она?

Леон посмотрел на него.

— Даже тогда.

Путь медленно кивнул.

Он уже собирался идти наверх, но остановился.

— Оно спрашивало о Яне.

Леон почувствовал лёгкое напряжение.

— Я знаю. Вчера приходило ко мне.

— Что спрашивало?

— Почему Ян может уйти.

Путь не удивился, и Леон насторожился.

— Оно спрашивало тебя то же самое?

— Нет.

— А что?

Путь посмотрел вверх, туда, где за закрытой дверью комнаты Яна снова заиграла музыка.

— Оно спросило, куда уходят те, кому есть куда вернуться.

Леон молчал.

— И что ты ответил?

— Что не знаю.

Леон улыбнулся.

— Опять полезный ответ.

Но Путь не улыбнулся.

Он смотрел мимо Леона и казался растерянным.

— Потом оно спросило другое.

— Что?

Путь провёл пальцами по деревянным перилам.

— Куда ухожу я.

Леон замер.

Внизу звякнула посуда. Виолетта что-то сказала Кассиусу, тот ответил, и раздался её смех. Леон прислушался к знакомым голосам.

— И что ты сказал? — тихо спросил Леон.

Путь поднял на него глаза.

— Я не ответил.

— Почему?

Он долго молчал.

А потом произнёс:

— Потому что не хотел говорить.

Леон ничего не сказал. Путь пошёл дальше, мимо комнаты Яна, комнаты Джеки и пустой комнаты, где иногда оставалась Елена. Остановился у своей двери.

Когда-то он не понимал, зачем ему место, куда другим необязательно входить. Теперь взялся за ручку.

Леон всё ещё стоял на лестнице. Путь посмотрел на него.

— Спокойной ночи.

— Спокойной.

Дверь закрылась тихо, без щелчка замка. Леон пошёл вниз. За последние дни закрытых дверей стало больше, а места для каждого словно прибавилось.

Глава 3. Место, куда никто не зовёт

Путь ушёл до рассвета.

Дом ещё спал. В окнах не было света, сад едва угадывался в предутренней серости, влажная трава блестела там, где до неё добирался слабый свет неба, а старая яблоня казалась почти чёрной. Где-то далеко, за пределами сада, кричала птица, и звук повторялся через равные промежутки, словно кто-то терпеливо проверял, наступило ли утро.

Путь стоял и слушал. Когда-то он чувствовал каждую открывшуюся дверь, каждое направление в Первом Доме. Иногда появлялся возле Леона прежде, чем тот решал, хочет ли кого-нибудь видеть. Тогда Путь не отделял близость от права оказаться рядом; теперь вспоминал об этом с неловкостью.

Вчера вечером он закрыл собственную дверь и долго стоял в комнате, ничего не делая. Сначала это казалось бессмысленным, потом он заметил, что ему нравится. С другой стороны никто не знал, чем он занят. Особенно хорошо было, когда он не занимался ничем.

Дорога появилась не сразу. Он мог создать её, но в последние недели всё чаще ждал, пока направление возникнет само. Иногда оно приводило не туда: вместо гор — к огромному полю с жёлтой травой, вместо реки — в город у пересохшего русла. Прежде Путь исправил бы направление. Теперь иногда оставался.

Сегодня дорога открылась между двумя деревьями. Он вошёл.

В эту долину Путь приходил уже в шестой раз. Он не знал её названия, и ничего необычного здесь не было.

Небольшая долина лежала между невысокими холмами, покрытыми травой. Через неё протекала узкая река, настолько мелкая, что почти в любом месте её можно было перейти пешком. На одном берегу росли деревья, на другом стоял старый дом.

Дом давно пустовал — Путь убедился в этом при первом посещении. Крыша над одной комнатой провалилась, на стенах остались следы картин, у входа стояла скамья, посеревшая от дождей. На ней он обычно сидел.

На этот раз дверь оказалась открыта. Путь остановился: в прошлый раз он закрывал её. Ничего похожего на опасность не ощущалось, но это не помогало понять, почему чужое присутствие здесь его беспокоит.

Он вошёл.

Внутри всё оставалось почти таким же: пыль на полу, старый стол возле окна, трещина на стене, сухие листья, принесённые ветром через дыру в крыше.

На столе лежал светлый камень размером с ладонь. Прежде его здесь не было. Путь коснулся поверхности: ни следа перехода, ни изменения пространства. Он поднял камень, осмотрел, положил обратно и вышел.

На берегу реки сидела женщина.

Путь узнал её: несколько дней назад видел в соседнем поселении, у колодца, с корзиной и мальчиком. Женщина тоже его узнала.

— А, — сказала она. — Всё-таки живёшь здесь?

— Нет.

— Я так и подумала.

Путь подошёл ближе, но остановился на некотором расстоянии.

Женщина была пожилой, с короткими седыми волосами и руками, покрытыми тёмными пятнами. Рядом стояла корзина, наполненная какими-то корнями и травами.

— А кто живёт? — спросила она.

— Никто.

— Тогда зачем приходишь?

Путь задумался. Женщина не торопила его и снова посмотрела на воду.

— Не знаю, — ответил он.

— Хорошее место для этого.

— Для чего?

— Для «не знаю».

Он сел на траву.

Река двигалась медленно. Вода огибала камни, на мгновение становилась белой возле них, а затем снова успокаивалась.

— Вы открыли дверь? — спросил Путь.

— Какую?

— Дома.

— Да.

— Зачем?

Женщина пожала плечами.

— Посмотреть.

— И камень положили вы?

— Какой камень?

Путь показал рукой.

Она посмотрела на дом.

— А. Да.

— Зачем?

— Красивый.

Путь ждал продолжения, но женщина снова посмотрела на воду.

— Вы нашли красивый камень и положили его в пустом доме?

— Именно.

— Он вам не нужен?

— Нет.

— Тогда зачем вы его взяли?

Женщина повернулась к нему.

— Тебе всё обязательно зачем-нибудь?

Путь хотел ответить «да», но остановился. Дорога вела, дверь разделяла или соединяла, граница защищала отдельность. Он стал дорогой, когда кто-то попросил уйти туда, где его не найдут. Даже Первый Дом когда-то понадобился для чего-то.

А Леон хранил подаренный матерью камень, Ян слушал одну и ту же музыку, Джеки мог зайти за водой и на час остаться разговаривать. Вчера Елена рассказывала, как провела день у моря. Путь не мог свести всё это к назначению.

— Наверное, нет, — сказал Путь.

— Вот и хорошо.

Женщина поднялась и взяла корзину.

— Вы уходите?

— Да.

— Куда?

Она усмехнулась.

— А тебе зачем знать?

Путь замолчал.

Женщина пошла вдоль реки.

Через несколько шагов обернулась.

— Дом всё равно пустой. Если нравится — приходи.

— Он ваш?

— Нет.

— Тогда вы не можете мне разрешить.

Женщина рассмеялась.

— Тоже верно.

И ушла.

Путь смотрел ей вслед, пока она не скрылась за холмом. Потом вернулся, закрыл дверь и сел на скамью. Почему ему хотелось находиться именно здесь?

За два часа Путь так и не нашёл ответа. Он знал расстояние до ближайшего перехода, глубину реки, чувствовал направление ветра, мог прикинуть, сколько дорог откроется отсюда без повреждения пространства. Ни одно из этих знаний не объясняло, почему он возвращается.

Тогда он попробовал иначе.

Он вспомнил, как Виолетта закрывала глаза, слушая музыку, Леон — пытаясь что-нибудь вспомнить, Ян — когда не хотел отвечать Джеки. Последний случай, вероятно, имел другую причину.

Путь закрыл глаза. Сначала ничего не изменилось, потом он услышал реку — просто звук воды. Ветер касался лица, шелестела трава, скамья под ладонями была шероховатой. Сейчас никто не просил открыть дорогу или объяснить, что происходит в другом мире.

Он открыл глаза и посмотрел на реку. Никому не быть нужным прежде казалось почти равным исчезновению. Здесь оказалось приятно. Путь не знал, что с этим делать, и остался ещё немного.

Когда он вернулся, было далеко за полдень.

Первым его встретил Кассиус.

Он стоял возле большого стола в комнате, которую постепенно превратил в архив, и разворачивал очередную карту.

— Ты был далеко?

Путь остановился. Недавно Виолетта спрашивала о том же.

— Да.

Кассиус кивнул и вернулся к карте. Путь уже собирался уйти, но задержался.

— Почему вы не спрашиваете где?

Кассиус поднял голову.

— Кто «вы»?

— Все.

— Леон спрашивает.

— Иногда.

— Джеки наверняка спросил бы, если бы заметил.

— Он заметил.

Кассиус пожал плечами.

— Значит, делает успехи.

Путь подошёл ближе.

— Раньше вы всегда хотели знать.

— Раньше, когда ты исчезал, где-нибудь могла появиться дорога в место, способное нас уничтожить.

— Сейчас тоже может.

— Может.

— Тогда почему не спрашиваешь?

Кассиус аккуратно разгладил край карты.

— Потому что если произойдёт что-то, что касается всех нас, я рассчитываю, что ты скажешь.

— А если не скажу?

— Тогда я ошибся.

Путь не сразу нашёлся с ответом.

— И тебя это устраивает?

— Нет.

— Но ты всё равно не спросишь?

Кассиус посмотрел на него.

— Ты хочешь, чтобы я спросил?

Путь задумался.

— Нет.

— Тогда проблема решена.

— Это не похоже на тебя.

— Не привыкай.

Путь почти улыбнулся и направился к двери. Кассиус всё-таки окликнул:

— Путь.

Тот обернулся.

— Ты хотел бы туда вернуться?

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Да.

Кассиус кивнул.

— Значит, тебе там нравится.

Путь замер. Нравится. Он перебирал свойства долины, но сегодня ещё не назвал ни одно этим словом.

— Возможно, — сказал он.

И ушёл.

Вечером Ян делал уроки на кухне — по крайней мере, утверждал, что делает. Учебник лежал перед ним, но последние десять минут он рисовал на полях устройство, напоминавшее одновременно компьютер, корабль и кофеварку.

Путь сел напротив.

Ян поднял глаза.

— Что?

— Ничего.

— Ты смотришь.

— Мне нельзя?

— Можно. Просто странно.

Путь указал на рисунок.

— Что это?

— Не знаю пока.

— Зачем рисуешь?

Ян пожал плечами.

— Хочется.

Путь молчал.

— Что? — спросил Ян.

— Ничего.

— Вы все сговорились?

Путь посмотрел на рисунок.

— Можно делать что-то только потому, что хочется?

Ян отложил карандаш.

— Ну да.

— Даже если это ни для чего не нужно?

— Особенно тогда.

Путь нахмурился.

— Почему особенно?

Ян задумался с тем серьёзным выражением, которое появлялось у него, когда вопрос неожиданно оказывался сложнее, чем казался сначала.

— Потому что если ты делаешь только то, что нужно, то откуда ты вообще узнаешь, что тебе нравится?

Путь поднял взгляд, а Ян снова взялся за карандаш. Для него разговор, кажется, закончился. Путь остался сидеть: иногда самые неудобные ответы давал тот, кто прожил намного меньше остальных.

— Ян.

— М-м?

— Тебе нравится физика?

Карандаш остановился.

— Сейчас это провокация?

— Нет.

— Тогда нравится.

— Но ты получил плохую оценку.

Ян посмотрел на него.

— И что?

— Если что-то получается плохо, оно всё равно может нравиться?

— Конечно.

Путь задумался.

— Это нелогично.

— Добро пожаловать.

Ян снова принялся рисовать.

Через несколько минут Путь поднялся и вышел.

Поздно ночью Дом затих. Путь не спал: сон пока оставался возможностью, а не необходимостью. Прежде он вслушивался в каждое движение, теперь старался удержать внимание в своей комнате.

На столе лежал камень, который он нашёл у реки перед уходом, — небольшой, тёмный, с тонкой белой полосой. Светлый камень женщины остался в пустом доме.

Путь взял свою находку в руку. Она ничего не открывала, не хранила память пространства и не была частью дороги. Ему просто нравился этот камень. Он несколько раз повторил мысль про себя и положил его на стол.

В этот момент он почувствовал присутствие за несколькими границами, у Третьего места. Существо не открывало соединение — осторожно коснулось края дороги. Путь собирался не отвечать, но после короткого колебания позволил тонкой связи возникнуть.

— Ты здесь? — спросило существо.

— Да.

— Можно говорить?

— Недолго.

После паузы существо ответило:

— Хорошо.

Тишина вернулась.

Путь ждал.

— Я думало о Яне, — произнесло оно.

— Помню.

— Он может уходить.

— Да.

— Елена тоже.

— Да.

— Леон может.

— Может.

— Виолетта.

— Да.

Снова пауза.

— Ты тоже уходишь.

Путь посмотрел на камень.

— Да.

— Куда?

Вчера он не ответил.

Сегодня вопрос уже не вызвал растерянности.

— Не скажу.

Связь дрогнула. Путь приготовился к попытке проникнуть глубже и найти ответ без него, но ничего не произошло.

— Почему? — спросило существо.

— Потому что это моё место.

Очень долго не было ответа.

— Ты сделал его?

— Нет.

— Тебе его дали?

— Нет.

— Тогда почему оно твоё?

Путь вспомнил дом, реку, старую скамью, женщину с корзиной. Ему не принадлежали ни дом, ни долина; там он мог побыть без чужих просьб.

— Потому что я выбрал туда возвращаться.

На этот раз тишина длилась ещё дольше.

— Можно мне когда-нибудь увидеть?

Ему не хотелось никого приводить в долину. Путь позволил этому желанию остаться.

— Нет.

Связь дрогнула, но не расширилась. Существо не приблизилось к границе и не потребовало объяснений, только спросило:

— Никогда?

Путь задумался.

— Я не знаю.

— Хорошо.

Он уже собирался закрыть связь, когда услышал:

— Путь.

— Что?

— Если место становится твоим потому, что ты его выбрал...

Существо остановилось.

Путь ждал.

— ...что ещё можно выбрать?

Путь не ответил. Он смотрел на камень и пытался представить, что ещё мог бы выбрать для себя.

Связь закрылась. Путь подошёл к окну. За садом существовали десятки дорог и сотни мест; обычно он выбирал направление для других. Теперь ему хотелось спросить, куда пойти самому.

— Путь, — произнёс он.

Слово снова показалось странным. Оно называло то, что он делал. Как если бы Яна звали Школьником, а Кассиуса — Хранителем записей. Леон больше не искал мать и всё равно оставался Леоном.

Путь посмотрел на отражение в тёмном стекле.

— А если я перестану?

Он не договорил.

Перестанет что — соединять, открывать, быть нужным? За окном ничего не изменилось. Путь ещё немного постоял перед стеклом.

Он вернулся к столу, положил тёмный камень в ящик и погасил свет. Никто в Первом Доме не знал, что находится в ящике, где долина и старый дом. Теперь был ещё вопрос, ответа на который не знал и он сам.

Кто именно выбирает дорогу?

Глава 4. Виолетта знает

Виолетта знала, что Ян всё ещё злится из-за четвёрки по физике, ещё до того, как он вернулся домой. За завтраком он трижды сообщил, что не волнуется, и забыл яблоко. По её опыту, после такого лучше приготовить чай и не задавать вопросов.

Когда после обеда хлопнула входная дверь и Ян прошёл через гостиную, не сняв рюкзака и даже не заглянув на кухню, Виолетта только посмотрела ему вслед.

Джеки поднял голову от книги.

— Что?

— Ничего.

— Ты так посмотрела.

— Как?

— Как будто что-то знаешь.

— Я всегда что-нибудь знаю.

— Это ужасная черта.

— Тебе удобно.

Он закрыл книгу.

— Что случилось?

Виолетта пожала плечами.

— Спроси у Яна.

Джеки уже начал вставать.

— Не сейчас.

Джеки остановился.

— Почему?

— Потому что он прошёл мимо тебя, не сказал ни слова и закрыл дверь.

— Может, просто устал. Или поссорился с кем-то. Или...

— Джеки.

Он замолчал.

— Чай?

— Ты сейчас предлагаешь мне чай, чтобы я не пошёл наверх?

— Да.

— Очень манипулятивно.

— Но эффективно.

Джеки ещё несколько секунд смотрел на лестницу, затем нехотя сел обратно.

— Чай.

— Отличный выбор.

Виолетта поднялась и пошла на кухню. Утреннее солнце давно исчезло, небо затянули низкие облака, и сквозь окно падал ровный серый свет. Она поставила чайник, достала две кружки и уже потянулась к шкафу за травами, когда заметила Леона в дверях.

— Что? — спросила она.

— Ничего.

Виолетта вздохнула.

— Это распространяется.

— Что именно?

— Ваша привычка смотреть на меня и говорить «ничего».

— Я просто пришёл за чаем.

— Тогда заходи.

Леон сел за стол. Виолетта достала третью кружку.

— Елена сегодня придёт? — спросила она.

— Не знаю.

— Ты нормально с этим?

— Да.

Виолетта посмотрела на него.

— Почти.

— Уже лучше.

Она поставила перед ним кружку.

— А Путь?

— Что Путь?

— Опять ушёл утром.

— Вернулся час назад.

— Где был?

Леон усмехнулся.

— Не говорит.

Виолетта на мгновение остановилась, потом улыбнулась.

— Хорошо.

— Тебе не интересно?

— Очень.

— Но не спросишь?

— Нет.

Леон покрутил кружку между ладонями.

— Ты действительно странно устроена.

— Спасибо.

— Это не обязательно был комплимент.

— Я решила, что был.

Чайник закипел. Разлив чай для Леона и Джеки, Виолетта взяла две оставшиеся кружки и направилась к двери.

— А ты чего хочешь? — спросил Леон.

Она остановилась на пороге.

— В каком смысле?

— Джеки ты предложила чай вместо похода к Яну, мне — вместо мыслей о матери. А Пути разрешила не рассказывать, где он был.

— Я ему ничего не разрешала.

— Хорошо. Признала его право.

— И?

Леон посмотрел на неё.

— А тебе что нужно?

Виолетта улыбнулась.

— Мне нужно отнести Джеки чай, пока он не передумал и не пошёл наверх.

Она вышла прежде, чем Леон успел ответить, и только в гостиной заметила, что её собственная кружка всё ещё пуста.

Ян спустился через сорок минут, без рюкзака, с выражением человека, который заранее подготовился защищаться. Джеки по-прежнему сидел в кресле, хотя книгу уже не читал.

— Привет, — сказал он.

— Привет.

Ян направился на кухню. Джеки посмотрел на Виолетту; она покачала головой, и он вздохнул.

Через минуту Ян вернулся с куском хлеба.

— Я всё ещё злюсь из-за физики, — сказал он.

— Из-за четвёрки?

— Да.

— Это же...

Ян посмотрел на него. Джеки закрыл рот, а Виолетта отвернулась к окну, пряча улыбку.

— Это что? — спросил Ян.

— Оценка, — осторожно сказал Джеки.

— Я знаю.

— Тогда я не понимаю вопрос.

— Ты собирался сказать «это же хорошо»?

Джеки немного подумал.

— Да.

— Для меня плохо.

— Понял.

— Не понял.

— Тогда объясни.

Ян сел на край дивана.

— Я всё решил.

— И получил четыре?

— Да.

— Почему?

— Потому что в последней задаче написал ответ и не расписал решение полностью.

— А.

— Что «а»?

— Ничего. Теперь понял.

Ян откусил хлеб.

— Учитель сказал, что я должен показывать ход решения.

— Логично.

— Я знаю, что логично. От этого не менее обидно.

Джеки кивнул и больше ничего не сказал. Виолетта ждала привычного объяснения — почему учитель прав, почему правила существуют не просто так и почему одна оценка ничего не значит. Джеки молчал. Ян тоже это заметил.

— Всё?

— А что ещё?

— Не знаю.

— Хочешь, чтобы я что-нибудь сказал?

Ян подумал.

— Нет.

— Тогда всё.

Джеки поднялся.

— Давай завтра посмотрим задачу?

Ян снова задумался.

— Завтра можно.

— Хорошо.

Джеки ушёл.

Ян проводил его взглядом.

— Он заболел?

— Учится, — ответила Виолетта.

— Чему?

— Не быть тобой.

Ян нахмурился.

— Он и так не я.

— Вот именно.

Виолетта ожидала спора, но Ян неожиданно кивнул и доел хлеб.

— А ты чему учишься?

Виолетта посмотрела на него.

— Я?

— Ну да.

— С чего ты взял, что я чему-то учусь?

Ян пожал плечами.

— Все чему-нибудь учатся.

— Очень философски.

— Это Путь виноват. Он вчера задавал странные вопросы.

— Какие?

— Зачем я рисую.

— И что ты сказал?

— Что хочется.

Виолетта улыбнулась.

— Хороший ответ.

— А ты что делаешь потому, что хочется?

Виолетта открыла рот и закрыла. Ян ждал.

— Читаю, — сказала она наконец.

— Потому что тебе нравится или потому что потом всем рассказываешь, что там полезного?

— Иногда мне нравится.

— Что последнее читала просто так?

Виолетта посмотрела на книгу на столике. Работа о природе нестабильных переходов. Ян проследил за её взглядом.

— Понятно.

— Что тебе понятно?

— Ничего.

Он улыбнулся и убежал вверх.

Оставшись одна, Виолетта взяла книгу со столика, прочитала название и положила обратно.

После ужина начался дождь — несильный, но долгий и ровный. Сад за окнами растворился в серой дымке, в доме стало темнее раньше обычного. Кассиус зажёг лампы в архиве, Ян ушёл наверх, Джеки занялся чем-то на кухне, а Леон исчез в одной из дальних комнат.

Виолетта вышла на веранду, села в кресло под крышей и подтянула ноги. Ей нравилось слушать дождь. Кажется. Она попыталась не анализировать, но тут же задумалась: почему? Из-за звука, запаха мокрой земли? Или потому, что в такую погоду никто не удивлялся, если человек просто сидел без дела?

Виолетта раздражённо выдохнула.

— Прекрасно.

— Что?

Виолетта вздрогнула: Путь стоял возле двери.

— Ничего.

Он посмотрел на неё.

— Это взрослая привилегия?

Она рассмеялась.

— Ян слишком много разговаривает.

— Можно сесть?

— Конечно.

Путь устроился в соседнем кресле. Некоторое время они слушали дождь.

— Тебе нравится? — спросил Путь.

— Дождь?

— Да.

— Нравится.

Он кивнул.

— Почему?

— Не знаю.

— Хорошо.

Виолетта повернулась к нему.

— Ты теперь собираешь ответы «не знаю»?

— Возможно.

— Зачем?

— Не знаю.

Виолетта снова рассмеялась. Путь тоже улыбнулся — едва заметно. Когда смех стих, он спросил:

— Что ты делаешь, когда остаёшься одна?

— Читаю, думаю. Иногда гуляю.

— Для чего?

— Путь, ты сегодня решил провести допрос?

Он выглядел искренне удивлённым.

— Нет. Я пытаюсь понять, как узнать, что тебе нравится.

Виолетта перестала улыбаться.

Теперь она поняла.

— Ян?

— Да.

— Он сказал тебе делать то, что хочется?

— Он сказал, что если делать только то, что нужно, невозможно узнать, что нравится.

— Похоже на него.

— Это правда?

Виолетта посмотрела на сад. Дождь стекал с края крыши тонкими прозрачными нитями.

— Наверное.

— А ты знаешь, что тебе нравится?

— Конечно.

Ответ прозвучал слишком быстро. Путь повернул голову.

— Например?

Виолетта почувствовала неожиданное раздражение.

— Я только что сказала. Читать. Дождь. Гулять.

— Ещё?

— Почему этого недостаточно?

— Я не сказал, что недостаточно.

Виолетта замолчала. Путь снова смотрел на дождь; кажется, ему действительно было интересно. От этого становилось только хуже.

— Мне нравится Первый Дом, — сказала Виолетта спустя некоторое время.

— Это место.

— И люди.

— Это другие.

Она посмотрела на него.

— Ты сегодня особенно невыносим.

— Мне говорили.

— Кто?

— Кассиус.

— Тогда всё действительно серьёзно.

Путь снова улыбнулся. Виолетта откинулась на спинку кресла.

— А тебе что нравится?

Он задумался.

— Одно место.

— Какое?

Пауза была короткой, но Виолетта заметила её.

— Не скажу.

Ей очень хотелось спросить, далеко ли это место, кто там живёт, как Путь его нашёл и почему никому не показывает. Но она только кивнула.

— Хорошо.

— И камень.

— Какой камень?

Путь чуть нахмурился.

— Неважно.

— Ты только что добровольно сообщил мне, что тебе нравится камень, а теперь отказываешься рассказывать какой?

— Да.

— Ты быстро учишься.

Они снова замолчали. Через несколько минут Путь сказал:

— Теперь ты. Я назвал две вещи.

— Это соревнование?

Он пожал плечами.

Виолетта задумалась. В её жизни было много приятного: долгие кухонные разговоры до утра, Ян, который вырос у неё на глазах, Леон, который всё реже ждал у двери. Ей нравилось, когда Джеки смеялся, забывая на несколько минут о необходимости кого-нибудь защищать, когда Путь пробовал что-то новое. Но сейчас она снова думала об остальных.

— Не знаю, — сказала она.

Путь повернулся. Виолетта ожидала вопроса, но он только сказал:

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Мне сказали, что это хорошее место для «не знаю».

— Кто сказал?

Он посмотрел на дождь.

— Не скажу.

— Невыносимый.

Виолетта покачала головой, улыбаясь.

◆

Позднее, когда все разошлись, Виолетта поднялась к себе и закрыла дверь. Книги вдоль стены, небольшой письменный стол, кресло возле окна, светлая ткань на кровати — всё успело стать привычным за те месяцы, что она жила здесь.

Она остановилась посреди комнаты. Если бы ей сегодня дали пустую и предложили наполнить только тем, что она выбирает сама, сколько из этих вещей она принесла бы с собой?

Виолетта подошла к полке и провела пальцем по корешкам. Большинство книг она прочитала, чтобы разобраться в происходящем или найти для кого-нибудь информацию. Несколько — ради Леона, две — ради Яна. Одну потому, что Кассиус утверждал, будто автор ошибается почти на каждой странице, и ей захотелось проверить. Виолетта улыбнулась и продолжила искать.

Наконец она вытащила тонкий роман в синей обложке. Купила в одном из миров, через который они проходили, потому что понравилась картинка, но так и не прочла: всегда находилось что-то важнее.

Виолетта села на кровать и открыла первую страницу. Прочитала несколько строк, потом ещё страницу.

В книге не было дорог между мирами, древних существ, исчезнувших матерей и людей, которых нужно было спасать. Какая-то женщина опоздала на поезд и познакомилась на станции с мужчиной, потерявшим чемодан.

История была совершенно бесполезной. Виолетта продолжила читать.

Через некоторое время кто-то постучал. Виолетта подняла голову.

— Кто?

— Леон.

— Что случилось?

За дверью наступила пауза.

— Ничего.

— Тогда зачем пришёл?

— Мы собирались пить чай.

Виолетта посмотрела на книгу. Обычно она сразу пошла бы вниз: любила вечера на кухне с Леоном, Кассиусом, Джеки и всеми, кто ещё успевал присоединиться. Но женщина только что обнаружила, что мужчина соврал о чемодане. Очень хотелось узнать зачем.

— Я не приду, — сказала Виолетта. — Читаю.

За дверью наступила пауза.

— Всё нормально?

Виолетта улыбнулась: вот и первый вопрос.

— Да.

— Точно?

— Точно.

— Хорошо.

Шаги удалились. Никто не открыл дверь и не потребовал объяснить, почему она предпочла книгу общей компании. Виолетта снова посмотрела на страницу. Лёгкая вина оставалась, но она уже чувствовала и удовольствие — почти детское. Устроилась удобнее и перевернула страницу: хотелось дочитать главу.

◆

Внизу действительно пили чай.

— Она не придёт? — спросил Джеки.

Леон сел за стол.

— Нет.

— Почему?

— Читает.

Кассиус поднял глаза.

— Что?

— Не знаю.

Путь, сидевший возле окна, посмотрел на Леона.

— Ты не спросил?

— Нет.

Путь кивнул.

Некоторое время молчали. Потом Ян, который всё-таки спустился в поисках чего-нибудь съедобного, открыл шкаф:

— А печенье осталось?

Разговор немедленно перешёл к значительно более важной проблеме исчезновения последней коробки.

Наверху Виолетта дочитала главу, потом ещё одну и обнаружила, что уже почти полночь. За вечер она никого не спасла, ничего не узнала о границах миров и не объяснила Яну его чувства. И всё-таки день не казался пустым.

Она положила книгу на тумбочку. Завтра снова могла замечать остальных; сегодня ей стало интересно заметить себя. Перед сном вспомнила вопрос Пути: что тебе нравится?

Теперь был ещё один ответ. Глупые книги про потерянные чемоданы.

Виолетта улыбнулась в темноте. Для начала этого оказалось достаточно.

В среду после обеда Виолетта ушла одна в человеческий мир и только на другой стороне поняла, что никого не предупредила.

Это открытие заставило её остановиться посреди тротуара. За спиной шумела улица, мимо проходили люди с пакетами и телефонами, на светофоре нетерпеливо гудела машина, а впереди, за большим стеклом, было кафе, которое она заметила ещё в прошлый раз.

Можно было вернуться и предупредить.

Можно было попросить Пути передать, где она.

Вместо этого Виолетта вошла в кафе.

Она выбрала столик у окна, заказала кофе и пирог, название которого тут же забыла, и некоторое время смотрела на людей. За соседним столиком женщина читала сообщения и улыбалась, мужчина у окна торопливо ел суп, девочка лет десяти спорила с отцом из-за шарфа. Никто не знал Виолетту и не ждал от неё помощи. Сначала от этой обыкновенности было неуютно, потом стало хорошо.

Через час Виолетта достала телефон из сумки. Пропущенных звонков и сообщений не было, но это ничего не говорило о тех, кто остался по ту сторону границы. Она убрала телефон. Даже если её заметили не сразу, в этом не было ничего страшного: Дом мог прожить несколько часов без неё.

Виолетта допила остывший кофе, заказала второй и открыла блокнот, который почти всегда носила с собой. Несколько минут держала ручку над страницей, потом написала дату и одну строку:

«Сегодня я ушла и не предупредила».

Перечитала и не стала искать скрытый смысл.

Когда за окном начало темнеть, Виолетта посмотрела на улицу и поняла, что может вернуться.

А может посидеть ещё.

Она осталась до закрытия.

Первый Дом никуда не исчез.

Глава 5. Как тебя зовут

В субботу Ян не собирался вставать до полудня. Накануне он сообщил об этом сразу нескольким людям, словно опасался, что Первый Дом за ночь введёт обязательную утреннюю проверку присутствующих, а затем дополнительно написал на своей двери:

ДО 12:00 МЕНЯ НЕТ.

Под надписью он нарисовал что-то похожее на перечёркнутого человека.

Джеки обнаружил табличку около восьми утра. Несколько секунд смотрел на дверь, потом на часы и снова на дверь. Проходившая мимо Виолетта остановилась.

— Даже не думай.

— Я ничего не делаю.

— Ты стоишь.

— Мне теперь нельзя стоять в коридоре?

— Можно. В любом другом месте.

Джеки посмотрел на табличку.

— Он всегда завтракает.

— Сегодня суббота.

— Организм не знает, что сегодня суббота.

— Организм Яна прекрасно знает, что сегодня суббота. Именно поэтому он спит.

Джеки вздохнул.

— Я только хотел проверить, всё ли нормально.

Виолетта посмотрела на него.

— Он лёг в два часа ночи.

— Откуда ты знаешь?

— Я читала.

— До двух?

— Да.

Теперь Джеки смотрел уже на неё.

— Что?

— Просто пытаюсь вспомнить, когда ты последний раз читала до двух ночи.

Виолетта улыбнулась.

— Позавчера.

— Что происходит с этим домом?

— Люди занимаются тем, чем хотят.

— Ужас.

— Согласна.

Они спустились на кухню. Кассиус пил кофе, просматривая записи, а Леон стоял у окна и пытался определить, будет ли дождь, хотя погода в окрестностях Первого Дома давно доказала, что человеческие наблюдения считает исключительно рекомендательными.

Перед Путём на столе лежал небольшой тёмный камень.

— Это тот самый? — спросила Виолетта.

Он мгновенно накрыл камень ладонью.

Она остановилась.

— Извини.

Путь посмотрел на неё, потом медленно убрал руку.

— Да.

Камень был тёмно-серым, почти чёрным, с тонкой светлой полосой наискось. Виолетта подошла ближе, но не коснулась.

— Красивый.
— Да.
— Где нашёл?
Путь посмотрел на неё.
— Не скажу.
— Помню.
Она налила себе чай.
Кассиус оторвался от записей.
— Что он не скажет?
— Где нашёл камень.
— Почему?
— Потому что не хочет.
Кассиус перевёл взгляд с лица Пути на камень.
— Разумно.
— Спасибо, — сказал Путь.
Кассиус снова занялся записями.
Леон повернулся от окна.
— Елена сегодня будет.
— Ты знаешь? — спросила Виолетта.
— Передала вчера.
— Прогресс, — заметил Джеки.
Леон посмотрел на него.
— Осторожнее.
— Я ничего.
— Вы действительно все заразились.
Виолетта села за стол. Путь снова накрыл камень ладонью и поднял голову. Кассиус заметил движение.
— Что?
Путь прислушивался.
— Оно здесь.
Разговор оборвался. Леон перестал улыбаться, Джеки выпрямился, Кассиус закрыл тетрадь. Виолетта почувствовала напряжение в плечах. Никто не побежал к границе, но знакомый страх ещё оставался.
Путь поднялся и убрал камень в карман.
— Оно спрашивает, можно ли прийти.
Кассиус первым посмотрел в сторону окон.
— Сейчас?
— Да.
— Зачем?
— Не говорит.
— Очень удобно.
Виолетта бросила на него взгляд.
— Что?
— Ничего.
— Кассиус.
— Я всего лишь констатирую, что существо, которое несколько столетий пыталось стереть границы между мирами, теперь пользуется правом не объяснять причину визита.
— Мы сами его этому учили, — сказал Леон.
— Я помню.

— Тогда?
Кассиус вздохнул.
— Пусть приходит.
Путь посмотрел на остальных.
— Виолетта?
— Да.
— Джеки?
Тот помолчал чуть дольше.
— Да.
— Леон?
— Да.
Путь кивнул.
— Я скажу.
Кассиус нахмурился.
— Меня ты не спросил.
— Ты уже сказал.
— Я сказал «пусть приходит».
— Это согласие.
Кассиус открыл рот и закрыл.
— Когда-нибудь я привыкну.
— Не уверен, — сказал Леон.

Они вышли в сад. В здание Первого Дома существу пока не разрешали входить; для разговоров выбрали место возле старой яблони, подальше от дома. Здесь Путь мог мгновенно закрыть соединение.

Кассиус прошёл вдоль почти невидимой линии, остановился возле дерева и посмотрел на него.

— Стабильна?
— Да.
— Если что-то изменится?
— Закрою.
— Сразу?
Путь посмотрел на него.
— Сразу.
Только после этого Кассиус отошёл.
Виолетта принесла из дома стулья.
— Ему стул не нужен, — заметил Джеки.
— Нам нужен.
— Можно было разговаривать стоя.
— Можно. Но я не хочу.

Она села. Джеки пожал плечами и занял соседний стул, Леон устроился на траве неподалёку. Кассиус остался стоять.

— Принципиально? — спросила Виолетта.
— Мне удобно.
— Конечно.

Путь стоял ближе всех к границе. Леон заметил, как несколько раз сжались и разжались пальцы его правой руки.

За яблоней пространство стало глубже, и появился голос:
— Можно?

— Можно, — ответил Путь.

Присутствие приблизилось.

За последние месяцы его края стали заметнее. Прежде даже в обозначенных пределах Леону было трудно различить, где заканчивается существо и начинается окружающее пространство. Теперь оно удерживало отдельный участок. Тела ещё не было.

Оно остановилось у линии. Кассиус обменялся взглядом с Путём; тот едва заметно кивнул.

— Здравствуйте, — произнесло существо.

Виолетта улыбнулась.

— Здравствуй.

Ответили Леон, Кассиус и Путь; Джеки кивнул. Они ждали. Существо всё ещё требовалось время, чтобы найти слова для того, что оно чувствовало.

— Ян здесь? — спросило оно.

— Спит, — ответил Джеки.

— Сейчас день.

— Для Яна это не аргумент.

Существо замолчало.

— Он решил спать?

— Да.

— И вы разрешили?

Джеки посмотрел на Виолетту.

Она приподняла брови.

— Да, — сказал он.

— Не совсем добровольно, — добавила она.

— Я добровольно ничего не сделал.

— Но не разбудил.

— Это считается?

— Очень.

Существо слушало.

— Он выбрал, потому что ему нравится спать?

— Да, — сказала Виолетта.

Леон усмехнулся.

— Вы с Путём много разговариваете.

— Да.

Путь повернул голову.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что последние несколько дней оно спрашивает обо всём, что кому-нибудь нравится.

Существо не стало отрицать.

— Я пытаюсь понять выбор.

Кассиус скрестил руки на груди.

— Почему?

Присутствие стало чуть плотнее, но осталось в прежних пределах.

— Потому что выбор связан с границей.

Кассиус посмотрел на Пути.

— Продолжай, — сказал Леон.

— Если нет границы, нельзя выбрать, где быть. Если нет другого — с кем быть. Если всё одно, нельзя выбрать часть.

Виолетта слушала, не перебивая.

— Я раньше не понимало выбор.

Леон заметил привычное «я понимало». Никто не поправлял существо.

— Ты хотело вернуть всё к одному, — сказал он.

— Да.

— Теперь не хочешь?

Кассиус резко посмотрел на Леона, но тот не отвёл взгляда. Существо долго молчало.

— Иногда хочу.

Кассиус едва заметно напрягся.

— Почему? — спросила Виолетта.

— Там не одиноко.

В саду стало очень тихо.

Даже Кассиус ничего не сказал.

Существо продолжило:

— Когда нет границы, ничего нельзя потерять.

Леон почувствовал, как внутри что-то отозвалось. Триста лет поиска не давали ему легко спорить с этим.

— Да, — сказал он. — Наверное.

— Но тогда нельзя найти.

Леон поднял голову.

Существо словно ждало.

— Что? — спросил он.

— Если ничего нельзя потерять, ничего нельзя найти.

Леон медленно улыбнулся.

— Тоже верно.

Путь смотрел на существо почти настороженно. Леон не знал, что именно его тревожило, но вопросы напоминали недавние разговоры самого Пути.

Разговор продолжался. Существо спрашивало о школе Яна, о том, почему Елена то приходит, то нет, почему Виолетта накануне не спустилась пить чай. Кассиус немедленно уточнил, откуда оно знает о чае. Оказалось, рассказал Путь.

Кассиус долго смотрел на него.

— Это была тайна? — спросил Путь.

— Нет, — сказала Виолетта.

— Тогда почему он так смотрит?

— Он всегда так смотрит.

— Я стою рядом, — напомнил Кассиус.

Потом существо спросило, почему Джеки не вошёл к Яну, когда дверь была закрыта.

— Потому что Ян не хотел разговаривать, — ответил тот.

— Но ты хотел.

— Да.

— Чьё желание важнее?

Джеки задумался.

— В этой ситуации — его.

— Почему?

— Потому что речь шла о его комнате и о его разговоре.

— Если тебе будет очень нужно?

— Тогда я могу попросить.

— А он может сказать «нет»?

— Может.

— И ты уйдёшь?

Джеки помолчал.

— Постараюсь.

Существо помолчало.

— Люди плохо умеют границы.

Виолетта рассмеялась, за ней Леон. Даже Джеки улыбнулся. Кассиус сохранил серьёзное выражение.

— Наконец-то оно начинает понимать мир.

— Я слышал, — сказал Джеки.

— На это и рассчитывал.

Леон вдруг заметил, что несколько минут не следит за границей, и снова посмотрел туда. Линия оставалась неизменной; существо находилось точно там, где ему разрешили.

Хлопнула дверь дома. На веранде появился Ян: волосы торчали в разные стороны, старая футболка и штаны, глубокое недовольство существованием утра — хотя время приближалось к двенадцати.

— Почему все здесь?

Он заметил присутствие возле яблони.

— А.

Существо ответило:

— Здравствуй, Ян.

— Привет.

Ян спустился по ступенькам и подошёл к остальным.

— Ты завтракал? — спросил Джеки.

Ян остановился. Виолетта закрыла глаза, Леон отвернулся. Джеки понял.

— Всё. Молчу.

— Я только проснулся.

— Я вижу.

— Тогда зачем спрашивать?

— Привычка.

Ян сел рядом с Леоном.

— О чём говорите?

— О выборе, — сказала Виолетта.

— Опять?

— Ты виноват.

— Я?

Путь посмотрел на него.

— Ты сказал мне, что если делать только то, что нужно, нельзя узнать, что нравится.

Ян зевнул.

— Умно сказал.

— Ты сам сказал.

— Я не всегда запоминаю, когда говорю умные вещи.

— Удобно, — заметил Кассиус.

Ян посмотрел на существо.

— А ты что выбираешь?

Существо замолчало.

— Что? — спросил Ян.

— Я не знаю.

— Ну, значит, ещё выберешь.

Ян снова зевнул, а существо продолжало молчать.

Елена пришла около часа. Направление открылось в дальнем конце сада, и вскоре она появилась возле веранды с корзиной.

Леон заметил её сразу. Сегодня он не ждал у входа.

— У нас гости.

Елена посмотрела к яблоне и остановилась. Леон узнал эту короткую заминку: несколько часов назад сам замер, услышав о приходе существа.

— Елена.

Она медленно подошла.

— Здравствуй.

— Ты боишься.

Кассиус напрягся.

Елена поставила корзину на землю.

— Немного.

— Почему?

Она не стала смягчать ответ.

— Потому что очень долго ты пыталось меня найти.

— Да.

— И потому что я очень долго делала всё, чтобы этого не произошло.

— Да.

— Такие вещи не исчезают сразу.

Существо молчало.

— Ты хочешь, чтобы я ушло?

Елена задумалась.

— Нет.

— Но боишься.

— Да.

— Это можно одновременно?

— Оказывается, многое можно одновременно.

Леон усмехнулся.

— Это семейное.

Елена бросила на него взгляд.

— Ты тоже боялся.

— Я и сейчас иногда боюсь.

Существо повернулось к нему.

— Сейчас?

Леон подумал.

— Сейчас — нет.

Леон понял, что это правда, только произнеся ответ. Кассиус посмотрел на него, но ничего не сказал.

Позже разговор перешёл к именам. Существо спросило Яна:

— Почему тебя раньше называли иначе?

Он перестал жевать яблоко.

— Кто рассказал?

Путь поднял руку.

— Предатель.

— Это было секретом?

— Нет. Но всё равно предатель.

Путь опустил руку.

— Я выбрал имя Ян, — сказал мальчик.

— Почему?

— Потому что старое имя было... не совсем моим.

— Им тебя называли другие?

— Да.

— А Ян выбрал ты.

— Да.

Существо задумалось.

— Поэтому оно больше твоё?

Ян посмотрел на остальных.

— Наверное.

Джеки сидел чуть в стороне. Ян посмотрел на него.

— Я не говорю, что старое было плохим.

— Я знаю, — тихо ответил Джеки.

— Просто Ян — это я.

Джеки кивнул и не стал ничего добавлять.

Существо обратилось к Леону:

— Твоё имя ты выбрал?

— Нет.

— Кто?

Леон посмотрел на Елену.

— Она.

— Почему?

Елена улыбнулась.

— Мне нравилось.

— А если бы Леону не нравилось?

Елена задумалась.

— Он мог бы выбрать другое.

— И ты разрешила бы?

Леон рассмеялся.

— Думаю, в триста с лишним лет разрешение матери уже необязательно.

— Раньше?

Елена посмотрела на сына.

— Думаю, я бы расстроилась.

— Но разрешила?

— Да.

Существо снова помолчало, потом обратилось к Виолетте:

— А твоё имя — твоё?

Она улыбнулась.

— Думаю, да.

— Потому что выбрала?

— Нет.

— Тогда почему?

Виолетта задумалась.

— Потому что я его приняла.

Существо словно зацепилось за слово.

— Приняла.

— Иногда необязательно самому создавать что-то, чтобы оно стало твоим.

Путь посмотрел на Виолетту.

— Можно выбрать то, что уже существует.

Она кивнула.

— Именно.

Существо повернулось к нему. Путь замер.

— Путь, — сказала существо. — Это твоё имя?

Путь посмотрел на собственные руки.

— Меня так называют. Очень давно.

— Но это твоё имя?

Путь не отвечал.

Кассиус нахмурился.

— Какая разница?

Существо повернулось к Кассиусу.

— Тебя, Виолетту, Леона, Яна называют не за то, что вы делаете. Путь — это то, что он делает.

Кассиус посмотрел на него. Никто не ответил.

Путь поднял голову, словно услышал вслух собственную мысль.

— Ты когда-нибудь хотел другое имя? — спросила Виолетта.

Путь посмотрел на неё.

— Я никогда не думал, что могу хотеть.

— А теперь?

Долгая пауза.

— Не знаю.

Существо произнесло:

— Хороший ответ.

Леон рассмеялся, за ним Виолетта. Улыбнулся Путь, даже Кассиус не удержался. Леон сидел рядом с существом, которого прежде не мог представить отдельно от угрозы уничтожения мира, и обсуждал имя Пути. Он покачал головой, всё ещё улыбаясь.

◆

Ближе к вечеру существо поблагодарило за разговор. Путь уже приготовился закрыть соединение, но присутствие осталось.

— Что-то ещё? — спросил он.

— Да.

Ян собирался уйти за едой и тоже остановился.

— Когда вы говорите со мной...

Существо замолчало.

— Да? — мягко сказала Виолетта.

— Вы говорите «оно».

Леон почувствовал неприятный укол. Раньше они говорили «Третье место», потом «существо», теперь чаще всего — просто «оно».

— Потому что мы не знаем, как тебя называть, — сказал Леон.

— Я тоже не знаю.

— Можно пока так?

Существо задумалось.

— Можно.

Связь оставалась открытой.

— Ещё что-то? — спросила Елена.

— Ян выбрал имя, Виолетта приняла то, что выбрал другой. А Путь может отказаться от своего, если поймёт, что оно не его.

Путь смотрел на существо.

— Наверное.

— Тогда имя — это граница?

Виолетта нахмурилась.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что оно говорит, где заканчивается один и начинается другой.

Елена смотрела на существо с печалью, которой Леон прежде у неё не видел.

— Иногда, — сказала она. — Наверное.

— Тогда у меня нет границы.

Путь подошёл ближе, оставаясь по свою сторону линии.

— У тебя есть граница.

— Вы сделали.

— Сначала — да.

— Я научилось её не разрушать.

— Да.

— Потом я закрыло дверь само.

— Да.

— Но когда вы зовёте друг друга, вы знаете, кого зовёте.

Ветер шевельнул листья яблони. Ян перестал есть. Леон впервые задумался, каково не иметь слова, которое означает только тебя — не место, не функцию, не угрозу.

— Ты хочешь, чтобы мы придумали тебе имя? — спросил Джеки.

Существо долго молчало.

Потом ответило:

— Нет.

Леон неожиданно улыбнулся.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Кажется, тебе уже понятно, что некоторые вещи никто не должен выбирать за тебя.

Существо затихло. Елена стояла рядом с Леоном, не касаясь его. Наконец прозвучало:

— Я хочу попробовать выбрать.

После паузы, гораздо тише:

— Я хочу имя.

Никто не предложил ни одного. Путь кивнул.

— Хорошо.

— Вы можете?

— Если попросишь.

— Я прошу.

Леон посмотрел на остальных. Кассиус всё ещё стоял у линии, напряжённый, но не прерывал разговора. Путь ждал.

— Тогда поможем.

Присутствие стало отчётливее, оставаясь в прежних пределах.

— Не сегодня, — сказала оно.

— Почему? — спросил Ян.

— Я хочу подумать одно.

— О чём?

Существо помолчало.

— Если имя будет моё, я хочу сначала понять, кто это — я.

Ян кивнул так спокойно, словно речь шла о выборе новой рубашки.

— Логично.

Связь начала закрываться.

— До свидания, Леон.

После паузы:

— Елена. Виолетта. Джеки. Ян. Кассиус.

И последним:

— Путь.

Существо назвало каждого и исчезло, так и не оставив слова для себя.

◆

Некоторое время никто не расходился.

Первым заговорил Кассиус.

— Мне это не нравится.

Леон посмотрел на него.

— Что именно?

— Скорость.

— Какая скорость? Оно несколько месяцев учится разговаривать.

— Именно.

Кассиус повернулся к месту, где только что находилось существо.

— Несколько месяцев назад оно пыталось понять слово «нет». Теперь рассуждает о личности.

— Люди тоже учатся, — сказала Виолетта.

— Оно не человек.

— А Путь? — спросила Виолетта.

Кассиус посмотрел на неё.

— Его мы знаем.

— Вы тоже не всегда меня знали, — заметил тот.

— Это не одно и то же.

— Возможно.

— И я не говорю, что оно притворяется.

Леон удивился.

— Не говоришь?

— Нет. Это было бы слишком просто.

Кассиус вздохнул.

— Я говорю, что мы понятия не имеем, чем становится существо, которое когда-то не различало себя и весь мир, а теперь начинает формировать отдельную личность.

— Поэтому нужно наблюдать, — сказал Джеки.

— Именно.

— И разговаривать, — добавила Виолетта.

Кассиус посмотрел на неё.

— И разговаривать.

Они начали расходиться. Ян первым направился к дому.

— Я есть хочу.

— Ты всё время ешь, — сказал Джеки.

— Я расту.

— Куда?

Ян обернулся.

— От тебя.

Джеки замер, Виолетта закрыла лицо ладонью, а Леон рассмеялся. Через мгновение Ян тоже понял, что сказал, и захохотал.

— Я не это имел в виду.

— Надеюсь.

Они ушли в дом, продолжая спорить. Елена подняла корзину, Виолетта последовала за ней. Кассиус задержался у линии, проверяя её состояние.

Леон уже собирался войти, когда заметил, что Путь не двигается и смотрит туда, где исчезло существо.

— Что? — спросил Леон.

— Ничего.

— Не верю.

Путь повернулся.

— Оно хочет имя.

— Да.

— А я не знаю, хочу ли своё.

Леон подошёл ближе.

— Тогда не решай сейчас.

— Но меня уже называют.

— Это не значит, что ты обязан оставить.

Путь посмотрел на него.

— Тебе нравится Леон?

Вопрос застал его врасплох.

— Никогда об этом не думал.

— Почему?

Леон пожал плечами.

— Наверное, потому что всегда был Леоном.

Путь посмотрел на Дом.

— Я тоже всегда был Путём.

— Нет.

Путь повернулся.

Леон сам не ожидал своего ответа.

— Ты был чем-то задолго до того, как тебя начали так называть. Мы просто пока не знаем чем.

Путь молчал.

Где-то наверху открылось окно.

Послышался голос Яна:

— Джеки, это моё!

— Я даже не трогал!

— Ты собирался!

Леон улыбнулся.

— Пойдём.

Он направился к дому. Путь задержался ещё на несколько секунд, потом пошёл следом. Прежде чем подняться на веранду, обернулся: за садом существовали дороги, за дорогами — миры. Где-то среди них находился старый пустой дом возле мелкой реки, о котором никто здесь не знал.

Путь поднялся к себе и положил камень на стол. Рядом была закрытая дверь. За другой границей — существо, которому впервые понадобилось слово только для себя.

Внутри собственного имени Пути становилось тесно.

Глава 6. Слова, которые остаются

За воскресным завтраком Леон почти сразу вспомнил вчерашний разговор об именах, но первым не заговорил.

После нескольких дождливых дней наконец появилось солнце — слабое, осеннее, ещё не способное согреть воздух. На деревянном полу лежали длинные полосы света, сад снова приобрёл цвета. Виолетта сидела возле окна с романом в синей обложке, Ян разбирал на столе старую плату из компьютерного клуба. Джеки наблюдал с расстояния, которое считал ненавязчивым; остальные, похоже, были другого мнения.

Из соседней комнаты, где работал Кассиус, доносился шелест бумаг. Елена ушла рано утром, заранее предупредив, что вернётся через несколько дней. Леону было непривычно знать лишь срок, но расспрашивать о дороге он не стал.

Путь сидел на ступенях веранды.

Леон видел его через открытое окно. Хотелось выйти и спросить, о чём он думает, но сейчас он решил не прерывать его уединение. Налил чай и сел напротив Яна.

Тот даже не поднял головы.

— Если ты собираешься спросить, что это, я пока не знаю.

— Я не собирался.

— Все спрашивают.

— Может быть, потому что ты разобрал половину неизвестного устройства на кухонном столе.

— Оно не неизвестное.

— Ты только что сказал, что не знаешь, что это.

Ян наконец посмотрел на него.

— Я знаю, чем оно было. Не знаю, чем станет.

Леон усмехнулся.

— Очень удобно.

— Так интереснее.

Ян снова склонился над платой, осторожно поддевая отвёрткой металлическую пластину. Когда-то он повторял движения Джеки, его интонации и выражение лица. Теперь разбирал вещь, ещё не зная, что из неё получится. Леон некоторое время смотрел на его руки.

— Как ты выбрал имя? — спросил Леон.

Ян остановил отвёртку и поднял глаза.

— Опять?

— Вчера я не спрашивал.

— Все теперь будут обсуждать моё имя?

— Возможно, ты у нас специалист.

— Очень смешно.

Ян несколько секунд рассматривал плату, затем отложил отвёртку.

— Я не знаю, как объяснить. Просто в какой-то момент понял, что Ян подходит.

— Почему?

— Потому что, когда его говорили, я понимал, что это про меня.

— А раньше?

Ян пожал плечами, но Леон заметил, что движение получилось чуть напряжённым.

— Раньше тоже понимал. Просто там было слишком много всего другого.

Он не назвал Джеки, и Леон не стал помогать.

— А если бы ты ошибся?

— В имени?

— Да. Выбрал бы имя Ян, а через год понял, что не нравится.

— Тогда выбрал бы другое.

Леон несколько секунд молчал.

— Мне почему-то казалось, что такие решения должны быть окончательными.

— Это взрослые всё любят делать окончательным.

Из кресла возле окна донёсся голос Виолетты:

— Не втягивай меня в это.

— Я тебя не называл.

— Но имел в виду.

Ян улыбнулся и снова взял отвёртку.

Леон посмотрел в окно: Путь всё ещё сидел на ступенях.

— Возможно, ты прав, — сказал он.

— Конечно.

— Вот теперь уже сомневаюсь.

Путь ушёл около полудня. Кассиус вышел из архива через несколько минут, посмотрел в окно, затем на Леона:

— Ушёл?

— Да.

— Давно?

— Минут пять.

Кассиус кивнул и направился на кухню.

— Ты даже не спросишь куда?

Он остановился.

— Ты знаешь?

— Нет.

— Тогда какой смысл спрашивать?

Леон рассмеялся.

— Я начинаю беспокоиться за тебя.

— Поздно.

Кассиус достал чашку, налил воды и снова посмотрел в окно.

— Тебе интересно, — заметил Леон.

— Конечно.

— Но ты не спрашиваешь.

— Я способен испытывать любопытство и не удовлетворять его немедленно.

— Это новое?

Кассиус бросил на него взгляд.

— В отличие от некоторых, я всегда умел соблюдать границы.

Из кресла снова донёсся голос Виолетты:

— Это неправда.

Кассиус медленно повернул голову.

— Ты вообще читаешь?

— Очень интересная книга.

— Судя по тому, как внимательно ты следишь за разговором.

— Там сейчас скучная глава.

Кассиус покачал головой и ушёл.

Леон улыбнулся.

В долину Путь пришёл ближе к вечеру. Здесь было теплее, чем возле Первого Дома; солнечный свет делал воду почти золотой. После дождей река поднялась, закрыв камни, по кото-

рым прежде можно было перейти на другой берег. У старого дома листья лежали на ступенях рыжими кучками.

Дверь была закрыта, как он и оставил.

Путь взялся за ручку и заметил тонкую царапину, которой раньше не было. Он провёл по ней пальцем. След мог оставить случайный удар ветки, но мысль о чужом посещении всё равно раздражала.

Он не знал, кому принадлежит этот дом. Женщина у реки тоже не могла разрешать ему приходить. И всё-таки хотелось найти всё таким, каким оставил.

Путь вошёл. Светлый камень по-прежнему лежал на столе, сухие листья переместились к дальней стене. Он сел возле окна.

Никто не отдавал ему дом, он его не строил. Путь возвращался сюда снова и снова — и теперь сердился из-за царапины на двери.

— Это глупо, — сказал он вслух.

— Что именно?

Путь резко повернулся. Женщина стояла в дверях, без корзины, с длинной веткой вместо трости и тёмным платком на плечах.

— Вы вошли без разрешения.

Она посмотрела на него, потом на дверь.

— Да.

Путь ждал. Женщина вышла обратно, и через несколько секунд раздался стук. Он не двигался. Когда стук повторился, подошёл к двери.

— Что вы делаете?

— Стучу.

— Я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Путь некоторое время смотрел на неё.

— Это не ваш дом.

— Ты уже говорил.

— И не мой.

— Хорошо.

— Но я не хотел, чтобы вы входили.

Женщина кивнула.

— Теперь знаю.

— Вы сердитесь?

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты сказал.

Он задумался.

— Можно войти? — спросила она.

Путь оглянулся на комнату. Он ещё никого сюда не приглашал. Женщина ждала, не входя, и решать стало немного легче.

— Можно.

Она переступила порог.

— Спасибо.

Путь закрыл дверь. Женщина села возле стены.

— Ты сегодня какой-то особенно задумчивый.

— Вчера одно существо захотело имя.

— Бывает.

Путь посмотрел на неё.

— Вы не удивились.

— А должна?

— У него никогда не было имени.

— Значит, самое время.

— Оно раньше не было отдельным.

Женщина чуть нахмурилась, но не стала спрашивать, что это означает.

— Теперь отдельное?

— Учится.

— Тогда имя пригодится.

Путь подошёл к окну.

— Зачем?

— Чтобы звать.

— Только?

— Нет.

Она немного подумала.

— Чтобы ругать. Чтобы вспоминать. Чтобы подписывать письма. Чтобы знать, на кого обижаться. Иногда чтобы понимать, что зовут не тебя.

Путь повернулся.

— Последнее важно?

— Очень. Представь, если бы каждый раз, когда кто-то кричит «эй, ты», оборачивались все.

Путь попытался представить.

— Неудобно.

— Вот именно.

Путь снова посмотрел в окно.

— А если имя неправильное?

— Что значит неправильное?

— Не подходит.

— Тогда меняют.

Путь вспомнил, как вчера Ян рассказывал о выборе своего имени.

— Все говорят одно и то же.

— Возможно, потому что ответ простой.

— Простые ответы обычно оказываются сложными.

Женщина рассмеялась.

— Это ты хорошо сказал.

Помолчали. Путь вдруг понял, что не знает её имени. Они встречались несколько раз, теперь она сидела в комнате, куда он прежде никого не приглашал, а для него всё ещё оставалась женщиной у реки.

— Как вас зовут?

— Мира.

Он повторил:

— Мира.

— Да.

— Вам нравится?

Она улыбнулась.

— Не всегда нравилось.

— Почему?

— Когда была маленькой, казалось слишком коротким. Хотела какое-нибудь длинное, красивое, чтобы все запоминали.

— А теперь?

— Теперь удобно. Быстро откликаюсь.

— Вы его выбрали?

— Нет. Мать.

— Тогда почему оставили?

Мира задумалась, поглаживая гладкую ветку.

— Наверное, за столько лет оно успело наполниться мной.

Путь нахмурился.

— Как имя может наполниться человеком?

— Никак. Это просто слова.

— Тогда что вы имеете в виду?

Она улыбнулась.

— Когда слышу «Мира», знаю, что зовут меня. Всё, что со мной случилось, что я сделала хорошо и плохо, люди, которые любили меня и не любили, места, где я была, — всё постепенно приклеилось к имени. Теперь оно не просто набор звуков.

Путь долго молчал.

— Значит, сначала имя ничего не значит?

— Иногда значит. Родители любят выбирать со значением.

— Но для самого человека?

— Для самого человека, наверное, значение появляется потом.

Путь посмотрел на руки. Может быть, он искал не то: имя не обязано заранее объяснять, кто ты. Значение могло появиться позже.

— А тебя как зовут? — спросила Мира.

Обычный вопрос, но ответ застрял.

— Меня называют Путём.

Мира приподняла брови.

— Необычно.

— Это не совсем имя.

— А что?

— То, что я делаю.

— Чем занимаешься?

— Соединяю места.

— И поэтому Путь?

— Да.

Она немного подумала.

— А настоящее?

Путь молчал.

— Не знаю.

Мира не стала выражать удивление.

— Значит, пока Путь.

Пока. Он неожиданно улыбнулся.

— Пока.

◆

Когда Путь вернулся, в Первом Доме ужинали. Ян рассказывал о споре с Марком: тот считал, что устройство не заработает без новой платы, а Ян собирался доказать обратное. Джеки пытался понять, что они собирают, Виолетта защищала право проекта оставаться бессмысленным. Кассиуса уже дважды попросили убрать записи со стола, но он продолжал есть и читать.

Леон поднял голову, когда Путь вошёл на кухню.

— Будешь?

Раньше Путь ответил бы, что ему не нужна еда.
Сегодня посмотрел на тарелки.

— Что это?

— Виолетта готовила, — сказал Ян.

— Это не ответ.

— Поэтому я и предупредил.

Виолетта бросила в него салфетку.

Путь сел.

— Попробую.

Джеки подвинул ему тарелку.

Никто не спросил, где он был. Пути захотелось рассказать самому — только часть.

— Я узнал имя женщины.

Леон посмотрел на него.

— Какой женщины?

Путь замолчал. Виолетта первой улыбнулась.

— Ты хочешь рассказать о ней?

— Да. О месте — нет.

— Хорошо.

Путь взял ложку.

— Её зовут Мира.

— Красивое имя, — сказала Виолетта.

— Она сказала, что имя сначала может ничего не значить, а потом наполняется человеком.

Кассиус отложил вилку.

— Интересная мысль.

— Я тоже так решил.

Ян пожал плечами.

— Я примерно это вчера говорил.

— Нет, — сказал Путь.

— Почти.

— Нет.

— Ладно, неважно.

Леон наблюдал за Путём.

— Ты рассказал ей о нас?

— Нет.

— О существе?

— Немного.

Кассиус сразу напрягся.

— Насколько немного?

— Что есть существо, у которого никогда не было имени и которое теперь хочет выбрать.

— И?

— Она сказала: «Самое время».

Виолетта улыбнулась. Кассиус, похоже, не знал, как относиться к такой реакции.

— Кто она вообще?

Путь посмотрел на него.

— Мира.

— Я понял, как её зовут.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Ян прыснул со смеху.

Кассиус закрыл глаза.

— Когда-нибудь я уйду из этого дома.

— Куда? — спросил Леон.

— Не скажу.

Теперь рассмеялись все, и Путь вместе с ними.

Позднее вечером он был у себя, когда почувствовал вопросительное прикосновение к краю дороги. Существо просило открыть тонкую связь, не касаясь границы Первого Дома. Путь ответил почти сразу.

— Можно говорить?

— Можно.

— Я думало об имени.

— Я тоже.

Возникла пауза.

— О моём?

Путь посмотрел на камень, лежавший теперь на столе.

— И о твоём. И о своём. Сегодня я говорил об именах с Мирой.

Существо долго молчало.

— Ты тоже хочешь имя?

— Не знаю.

— Путь не имя?

— Возможно, имя. Но я не выбирал его.

— Виолетта тоже не выбирала.

— Да.

— Но сказала, что приняла.

— Да.

— Ты принял?

Путь сел возле окна. В саду было темно, снизу доносились голоса тех, кто ещё сидел на кухне.

— Я привык.

— Это то же самое?

— Не знаю.

Связь оставалась спокойной.

— Я придумало много имён, — сказала существо.

— Каких?

Пауза.

— Не скажу.

Путь улыбнулся.

— Хорошо.

— Почему ты смеёшься?

— Я не смеюсь.

— Но ты ответил так, будто тебе смешно.

Существо всё лучше различало его интонации.

— Потому что ты не хочешь рассказывать.

— Это можно?

— Да.

— Даже если я попросило помочь?

— Да.

Существо задумалось.

— Тогда зачем помощь?
— Возможно, помощь не всегда означает сделать выбор вместо другого.
— А что тогда?
— Быть рядом, пока он выбирает.
Существо помолчало.
— Я хочу правильное имя.
Путь вспомнил Миру.
— Возможно, такого нет.
Связь дрогнула.
— Тогда как выбрать?
— Можно выбрать то, которое нравится.
— Почему?
— Потому что потом оно наполнится тобой.

Очень долгая пауза.

— Как?
— Я пока не знаю.
— Тогда откуда ты знаешь?
— Мне сказали.
— Мира?

Путь замер.
— Откуда ты знаешь её имя?

Связь мгновенно стала тише.
— Ты сказал в начале разговора.

Путь вспомнил собственную фразу. Да, назвал сам. И всё же испугался.

Существо тоже заметило:
— Ты подумал, что я нашло её.

Путь не стал лгать.

— Да.
— Я не искало.
— Хорошо.
— Ты мне не веришь?

Путь закрыл глаза. Существо ничего не нарушило: он сам назвал Миру. Первым всё равно возникло недоверие — старое, почти автоматическое.

— Верю, — сказал Путь.
— Сразу не поверил.
— Нет.

Тишина между ними стала тяжёлой.

— Потому что я раньше искало тех, кто не хотел, чтобы я их находило.
— Да.
— Я теперь не делаю.
— Я знаю.

— Но ты всё равно подумал.
Путь долго смотрел на тёмное стекло.

— Да.
Существо не отвечало.

Путь хотел объяснить, почему испугался, но сейчас объяснения показались способом избежать более простого признания.

— Прости.
Связь дрогнула.

— За что?

— За то, что сразу заподозрил нарушение и не вспомнил собственные слова.

— Но я могло нарушить.

— Могло.

— Значит, ты не ошибся.

— Ошибся. Я сам назвал её, а потом спросил так, будто тебе неоткуда было знать.

Существо долго молчало. Путь ждал.

— Если я выберу имя, вы перестанете помнить, чем я было?

— Нет, — ответил он сразу.

— Никогда?

— Думаю, нет.

— Тогда зачем имя?

Путь посмотрел на руки. Вопрос был похож на тот, который он задавал себе. Он вспомнил слова Миры: всё хорошее и плохое постепенно приклеивается к имени.

— Не чтобы забыть, кем ты было, — сказал Путь. — Чтобы было к кому добавить то, кем ты станешь.

Он ждал ответа.

— Я подумую, — ответило существо.

— Хорошо.

— И ты подумай.

— О чём?

— О своём имени.

Связь начала закрываться.

— Это не одно и то же, — сказал Путь.

Но существо уже почти исчезло.

Последнее, что он слышал, было:

— Почему?

Позднее Путь вышел на веранду. Ночь была ясной и прохладной, после дождливых дней звёзды казались особенно яркими. Из дома доносились голоса: Ян спорил с Джеки, Виолетта смеялась, Леон что-то говорил Кассиусу, а тот отвечал привычно недовольным тоном.

Путь мог войти, остаться здесь, уйти в долину или открыть другую дорогу. Сейчас никто не нуждался в нём настолько, чтобы выбор исчез.

Он вспомнил: «Значит, пока Путь». Поднял голову к небу и не стал искать ответа немедленно.

Пока он оставался Путём. Сегодня другого имени ещё не выбрал.

Глава 7. Люди, которые не знают

Во вторник после школы Ян впервые привёл Марка в Первый Дом. Джеки увидел их из окна гостиной: с рюкзаками за плечами они подходили к калитке и оживлённо спорили. Ян размахивал руками, останавливался, чтобы объяснить что-то особенно сложное, потом договаривался с другом. Марк перебивал его и смеялся. Джеки смотрел на них и чувствовал, как исчезает уверенность, которой он успел гордиться за последние недели.

До сих пор Марк существовал преимущественно в рассказах. Он считал, что старую плату проще заменить, знал место возле библиотеки, где можно достать детали, и однажды объяснил учителю, что двойка по алгебре не отражает реального уровня его знаний. За последнее получил замечание ещё и по поведению. Марк собирался куда-то поступать; название Ян произносил так быстро, что Джеки не запомнил.

Всё это было безопасно, пока происходило где-то в школьной жизни Яна. Теперь Марк стоял возле калитки.

Виолетта, сидевшая в кресле с синей книгой, перевернула страницу.

— Нет.

Он обернулся.

— Что нет?

— Что бы ты сейчас ни собирался делать.

— Я ничего не собираюсь.

— Ты уже третий раз говоришь это за последние дни, и ни разу я тебе не поверила.

Джеки снова посмотрел в окно.

— Ян ведёт кого-то сюда.

— Я вижу.

— Он не предупреждал.

— Возможно, решил, что не обязан заранее подавать заявление.

— Дело не в этом.

— Конечно.

Виолетта дочитала строку, заложила страницу и только тогда подняла глаза.

— В чём?

Джеки помолчал. Здесь жил Путь, способный открыть недоступную другим дорогу. Приходила Елена, три столетия прожившая между мирами. У дальней границы разговаривало существо, прежде пытавшееся слить всё существующее. Даже карты Кассиуса нельзя было объяснить школьному другу за чашкой чая.

— Он не знает, что это за место, — сказал Джеки.

— Да. И сейчас Ян приведёт его внутрь.

— Тебя это не беспокоит?

Виолетта закрыла книгу.

— Немного.

Джеки явно не ожидал такого ответа.

— Тогда почему ты сидишь?

— А что предлагаешь? Выбежать к воротам и сказать, что друзьям Яна вход запрещён, потому что его дом слишком сложный для нормальных людей?

— Нет.

— Хорошо.

— Но можно хотя бы поговорить с ним.

— Можно.

Джеки уже шагнул к двери, когда Виолетта добавила:

— Только не сейчас.

— Почему опять не сейчас?

За окном Ян открыл калитку, пропуская Марка.

— Потому что они уже пришли.

Джеки выдохнул.

— Мне не нравится эта система.

— Какая?

— Та, в которой правильный поступок почти всегда заключается в том, чтобы ничего не делать.

Виолетта улыбнулась.

— Ты просто слишком долго считал действием только вмешательство.

Джеки хотел ответить, но входная дверь открылась.

— Мы пришли! — крикнул Ян.

— Я заметил, — сказал Джеки.

Из коридора донеслось:

— Это Марк.

— Я догадался.

— Откуда?

Джеки посмотрел на Виолетту; она беззвучно рассмеялась. Через несколько секунд Ян появился в гостиной с худым темноволосым мальчишкой примерно его возраста. На Марке была расстёгнутая куртка, тяжёлый рюкзак явно вмещал что-то серьёзнее учебников.

— Это Джеки, — сказал Ян. — А это Виолетта.

Марк кивнул.

— Здравствуйте.

— Привет, — ответила Виолетта.

Джеки тоже поздоровался, стараясь не рассматривать гостя слишком внимательно. Получалось плохо.

— Мы наверху будем, — сообщил Ян.

— Хорошо.

Ян замер, словно ждал продолжения. Джеки выдержал его взгляд.

— Что?

— Ничего.

— Тогда мы пошли.

— Идите.

Они уже направились к лестнице, когда Марк остановился перед старой картой Кассиуса на стене.

— Это что?

Ян тоже посмотрел.

— Карта.

— Я вижу. Чего?

Джеки напрягся. Ян помедлил, затем подошёл к карте.

— Старых дорог.

Джеки ждал продолжения, но Ян больше ничего не добавил.

Марк изучил линии, некоторые из которых обрывались посреди пустого пространства, непонятные обозначения и незнакомые названия.

— Из игры?

Ян чуть помедлил.

— Вроде того.

— Круто.

И пошёл наверх.

Ян задержался на мгновение, встретился взглядом с Джеки, потом последовал за ним.

Дверь наверху закрылась.

Джеки медленно сел.

— «Вроде того»?

Виолетта снова открыла книгу.

— Очень неплохой ответ.

— Он соврал.

— Не совсем.

— Виолетта.

— А что ты хотел? Чтобы он у лестницы объяснил устройство миров?

Джеки потёр лицо ладонями.

— Я хочу, чтобы всё было немного проще.

— Поздно.

Сверху донёлся смех. Джеки посмотрел на потолок, и Виолетта отложила книгу.

— Первый друг, которого он привёл домой? — спросила она.

Джеки кивнул.

— Первый.

Она некоторое время смотрела на него.

— Тогда можешь немного поволноваться.

— Спасибо за разрешение.

— Но только немного.

Он улыбнулся.

Ян не думал, что привести Марка домой окажется настолько странно. В школе никто не знал, кем был Джеки, не слышал о Пути и не пытался определить возраст Леона по внешности. Там Ян рассказывал о себе сам. Сначала это пугало, потом понравилось.

Его не сравнивали с Джеки, не помнили первых попыток стать отдельным и не замечали каждый маленький выбор как доказательство большого изменения. Для Марка он был мальчишкой, который хорошо разбирался в математике, спорил с учителем физики, ненавидел писать полное решение и часами возился с электроникой. Иногда говорил вещи, которые Марк называл «очень странными».

Теперь Марк сидел в его комнате. Ян оглядел стол, кровать, вещи, которые ещё утром были только домашними.

— Нормальная у тебя комната, — сказал Марк.

Ян посмотрел вокруг.

— А какая должна быть?

— Не знаю. Ты про дом рассказывал так, будто тут всё необычное.

— Я такого не говорил.

— Говорил.

— Когда?

— Когда сказал, что у вас иногда двери ведут не туда.

Ян замер. Марк рассмеялся:

— Я понял, что ты шутил.

— А. Да.

Ян отвернулся к столу.

— Шутил.

Хотелось сказать ещё что-нибудь, но Марк уже открыл рюкзак и начал доставать детали.

— Смотри, я принёс тот контроллер.

— Рабочий?
— Почти.
— Что значит «почти»?
— Он один раз задымился.
— Марк.
— Совсем немного.
Ян забыл о тревоге почти на час.

Путь вернулся через сад, когда мальчики уже сидели на полу среди проводов и инструментов. В коридоре он почувствовал незнакомое присутствие, затем услышал наверху Яна и ещё один голос. Вероятно, Марк: это имя часто звучало в Доме.

Он поднялся на несколько ступеней и остановился перед закрытой дверью. Раньше сразу проверил бы, откуда пришёл человек, какие направления вокруг него открыты и с кем он связан. Теперь мог узнать больше, ощутив пространство комнаты, но не стал. Вернулся вниз.

На кухне Леон резал хлеб.
— Ты пришёл.
— Да.
— Хорошо погулял?
Путь задумался.
— Да.
Леон улыбнулся.
— Значит, всё-таки гулял.
— Не совсем.
— Не рассказывай.
Путь посмотрел на него.
— Ты раньше хотел знать.
— Хочу и сейчас.
— Но сказал не рассказывать.
— Учусь.
Путь сел за стол.
— У Яна Марк.
— Знаю.
— Он не знает о нас.
— Думаю, почти ничего.
— Почему?

Леон положил нож.

— Потому что Ян пока не рассказал.
— Он имеет право не рассказывать другу о части своей жизни?
— Конечно.
— Даже если хочет дружить?
— Особенно если только начинает дружить. Доверие не появляется целиком в первый

день.

Путь провёл пальцем по краю стола.
— Но если Марк узнает потом, он может обидеться.
— Может.
— Тогда лучше рассказать сейчас.
— Не обязательно.
— Почему люди всё усложняют?
Леон рассмеялся.

— Это у нас природное.

Путь посмотрел на лестницу.

— Существо тоже не знает всего обо мне.

Леон перестал улыбаться.

— О твоём месте?

— Да.

— Но оно знает, что место есть.

— Марк тоже, наверное, знает, что у Яна есть жизнь, о которой он пока ничего не знает.

Путь задумался.

— Значит, близость не означает знать всё?

— Надеюсь, нет. Иначе мы все в большой беде.

— Ты не всё знаешь о Елене, хотя она твоя мать.

— Очень далеко от всего.

— Джеки не всё знает о Яне.

— Он старается пережить эту мысль.

— Виолетта не знает, где я бываю.

— Хотя очень хочет.

Из гостиной донёсся голос:

— Я всё слышу!

Леон улыбнулся; Путь тоже.

— Значит, можно быть рядом и оставаться неизвестным?

— Какая-то часть человека, думаю, всегда остаётся неизвестной. Возможно, поэтому с ним интересно оставаться рядом.

Путь посмотрел на лестницу.

◆

Ближе к вечеру Марк спустился на кухню за водой. Ян остался наверху искать потерянную отвёртку. За столом сидела Виолетта, Кассиус перебирал записи, Путь стоял у окна. Марк поздоровался ещё раз, нашёл стакан и уже собирался вернуться, когда заметил его.

— А вы кто?

Виолетта подняла глаза, Кассиус перестал листать бумаги. Путь повернулся.

— Я...

Он остановился; Марк ждал.

— Это Путь, — сказала Виолетта.

Путь посмотрел на Виолетту, и она сразу добавила:

— Извини.

Марк переводил взгляд с одного на другого.

— Путь?

— Да, — сказал Путь.

— Это имя?

Кассиус положил лист на стол. Проще было бы сказать «да»: для Марка этот ответ почти ничего не значил. Путь задержался, подбирая слова.

— Пока меня так называют.

Марк нахмурился.

— А настоящее имя?

Путь почувствовал странное спокойствие.

— Пока не знаю.

Марк ещё несколько секунд смотрел на него.

— А.

Затем отвернулся и налил воду.

Путь не ожидал такого простого окончания.

— И всё?

Марк обернулся.

— А что?

— Тебе не странно?

Тот пожал плечами.

— У меня сестра в прошлом году сказала, чтобы её называли не Катей, а Кэт. Мама месяц возмущалась, потом привыкла. Сейчас она опять Катя.

Кассиус кашлянул, скрывая что-то очень похожее на смех.

Марк взял стакан.

— Если выберете, скажете.

Он взялся за дверную ручку.

Марк вышел. Виолетта негромко рассмеялась, затем уже не смогла остановиться. Кассиус тоже улыбнулся. Путь смотрел на дверь.

— Он не спросил почему.

— Нет, — сказала Виолетта.

— И не испугался.

— С чего ему пугаться?

— Я сказал, что не знаю своего имени.

Кассиус сложил руки на груди.

— Для человека, который понятия не имеет, что ты способен соединять пространства, это, вероятно, не самая тревожная твоя особенность.

Путь задумался.

— Я не думал об этом.

— Это заметно.

Виолетта посмотрела на него.

— И прости ещё раз. Я действительно ответила за тебя.

— Почему?

— Привычка.

— Ты хотела помочь.

— Да.

— Но я не просил.

— Нет.

Путь немного подумал.

— Я не сержусь.

— Всё равно не должна была.

Он кивнул.

— Но мне понравилось, как ты сказала.

— Что именно?

— «Это Путь».

Виолетта улыбнулась.

— Значит, пока подходит?

Путь вспомнил Миру.

— Пока.

◆

Марк ушёл перед ужином. Ян проводил его до калитки, а Джеки остался в доме — возле открытого окна. Леон подошёл сзади.

— Ты понимаешь, что выглядишь именно как человек, который следит?

— Я просто смотрю в сад.

— Конечно.

Возле калитки мальчики задержались ещё на несколько минут. Марк улыбнулся:

— У вас прикольные люди. Путь особенно.

Ян рассмеялся. Потом Марк ушёл, а Ян ещё немного смотрел ему вслед.

Джеки напрягся.

— Не выходи, — сказал Леон.

— Я и не собирался.

— Ты уже двинулся.

— Мне можно двигаться в собственном доме.

Леон рассмеялся.

Ян вернулся через несколько минут.

Он выглядел задумчивым.

— Всё нормально? — спросил Джеки.

Ян снял куртку.

— Да.

— Ему понравилось?

— Вроде.

— Он ничего не заметил?

Ян остановился.

— Что именно?

Джеки понял, что ошибся.

— Ничего.

— Нет, теперь говори.

— Я просто спросил.

Ян посмотрел на Джеки, потом на Леона.

— Марк рассказал, как спросил у Пути имя.

Джеки замер.

— И?

— Ничего. Путь сказал, что пока не знает настоящего имени.

— Марк что?

— Рассказал про сестру.

Леон засмеялся.

Джеки выглядел совершенно потерянным.

— И всё?

— А что должно было случиться?

Леон хлопнул его по плечу.

— Кажется, сегодня этот вопрос преследует всех.

Ян снял рюкзак.

— Он ещё хочет прийти.

Джеки помолчал.

— Хорошо, — сказал он наконец.

Ян посмотрел внимательнее.

— Правда?

— Это твой друг.

— Значит, можно?

Джеки едва заметно нахмурился.

— Ты спрашиваешь разрешения у меня?

— Ну... это общий дом.

Джеки медленно кивнул.

— Тогда, наверное, нужно спрашивать у всех, если приводишь человека в общую часть. Но не потому, что я решаю, с кем тебе дружить.

Ян улыбнулся.

— Ладно.

— Только предупреждай.

— Хорошо.

— И...

Он остановился.

— Что?

— Ничего.

Ян рассмеялся и пошёл наверх.

Поздно вечером, когда Путь сидел на веранде, за дальней границей появилось присутствие существа. Оно попросило говорить с ним одним.

— Можно?

— Можно.

Путь открыл связь.

— Сегодня был новый человек, — сказала оно.

Путь помедлил с ответом.

— Я не искало его, — добавило существо.

— Хорошо.

— Ты подумал, что искало?

— Да.

— Его зовут Марк.

Путь нахмурился.

— Откуда ты знаешь?

— Ян сказал его имя, когда был возле границы сада.

Путь не слышал их разговора у калитки. Существо могло остаться за внешней границей и слышать имя оттуда; само по себе это не означало, что оно искало Марка. Сейчас Путь принял объяснение.

— Да. Марк.

— Он не знает обо мне.

— Нет.

— Почему?

— Ян пока не рассказал ему обо всём.

— Потому что не доверяет?

Путь вспомнил разговор с Леоном.

— Не обязательно. Иногда люди рассказывают себя постепенно.

— Рассказывают себя?

— Леон сказал, что близость не означает знать всё.

Существо долго обдумывало это.

— Тогда я могу не говорить вам имена, которые придумало?

— Конечно.

— Даже если вы помогаете?

— Да.

— А если я выберу и не скажу?

Путь удивился.

— Можешь.

— Тогда зачем имя, если никто его не знает?

Путь задумался. До сих пор имя было для него словом, которым зовут, способом отличить одного от другого. Остаётся ли оно именем, если никто его не произносит?

— Не знаю, — признался он.

Существо помолчало.

— Я придумало одно, которое никому не скажу.

Путь едва удержался от вопроса.

— Хорошо.

— Ты хочешь знать.

— Очень.

— Но не спросишь.

— Нет.

Связь стала чуть теплее — если подобное слово вообще подходило к тому, что Путь чувствовал.

— Мне нравится, — сказала существо.

— Имя?

— То, что ты хочешь знать и не спрашиваешь.

Путь посмотрел в тёмный сад.

— Мне тоже иногда нравится, когда другие так делают.

— Почему?

Он подумал о долине, старом доме и Мире. Домашним и существу он рассказывал о них разное; само место по-прежнему не показывал.

— Потому что то, что расскажу потом, я отдам сам.

Существо очень долго молчало.

— Отдаю, — повторило оно.

— Да.

— Если у меня есть то, что я могу не отдавать, значит, это моё?

Путь не сразу ответил.

— Думаю, да.

— Тогда у меня уже есть что-то моё.

Он улыбнулся.

— Похоже на то.

Ещё несколько минут связь оставалась открытой, хотя они почти не разговаривали. Потом существо произнесло:

— Путь.

— Что?

— Сегодня я не скажу имя.

— Хорошо.

— И завтра, возможно, тоже.

— Хорошо.

— Ты не сердись?

— Нет.

— Почему?

Путь вспомнил, как Мира вышла из дома по его просьбе, постучала и ждала разрешения войти.

— Потому что дверь принадлежит тебе только тогда, когда ты можешь не открывать.

Существо не ответило. Путь почувствовал, как оно осторожно закрывает связь. На веранде он снова остался один.

Наверху Ян лежал на кровати и набирал сообщение Марку. Вспомнил его слова у калитки: «У вас прикольные люди. Путь особенно».

Он написал:

Путь не человек.

Посмотрел на строчку и удалил.

Написал другую:

Да, он прикольный.

В Доме телефон не ловил обычную сеть. Ян оставил сообщение в черновиках: отправит завтра, когда выйдет в человеческий мир.

Он положил телефон рядом. Марк многого не знал о нём, и Ян начинал чувствовать разницу между ложью и рассказом, который не нужно заканчивать за один день.

Ян посмотрел на закрытую дверь. За ней был Первый Дом, где его знали совсем другим. Рядом лежал телефон с коротким ответом человеку, который хотел прийти ещё.

Ему нравилось и то и другое. Он выключил свет.

Ночью Путь снова подумал о тайном имени существа. Любопытство не исчезло: теперь хотелось услышать это слово, попробовать угадать. Он мог спросить завтра — и, возможно, получить ответ.

Но не стал. У него тоже оставались долина, разговоры с Мирой, мысли об имени, которыми он делился лишь отчасти.

В спящем Первом Доме за каждой дверью продолжалась чья-то жизнь. Когда-то Путь считал своей задачей соединять разделённое. Теперь хотел дождаться момента, когда другой сам приблизится и скажет:

«Я хочу тебе кое-что рассказать».

Это было уже не просто знание. Это было доверие.

Глава 8. То, что выбирают не навсегда

Через несколько дней, ранним школьным утром, Леон обнаружил на кухонном столе лист с именами. Первый Дом ещё не проснулся; наверху Ян торопливо ходил из комнаты в ванную и обратно, почти не приближаясь к выходу.

Леон сначала решил, что лист оставил Ян. На столе постоянно оставались карты Кассиуса, задания Яна, заметки Виолетты и непонятные схемы Джеки. Поставив чайник, он придвинул лист. Ровный почерк оказался незнакомым.

Среди обычных имён были слова, которых Леон прежде не слышал. Некоторые напоминали названия мест, звёзд или вещей, давно исчезнувших из языка.

Внизу стояла отдельная строчка:

Не выбирать за меня.

Леон улыбнулся.

— Уже нашёл?

Путь стоял в дверях.

— Это твоё?

— Нет.

Леон снова посмотрел на лист.

— Оно приходило?

— Ночью вышло на связь. Попросило меня оставить здесь.

— Почему не у тебя?

— Сказало, что хочет, чтобы увидели все.

Леон провёл пальцем вдоль края бумаги, не касаясь написанных слов.

— Значит, список всё-таки решило показать.

— Не тот, — ответил Путь, садясь за стол. — Одно имя оно придумало только для себя.

Его здесь нет.

Леон поднял глаза.

— Ты уверен?

— Оно сказало.

— И ты всё ещё не знаешь какое?

— Нет.

Леон усмехнулся.

— Тяжело?

Путь посмотрел на него совершенно серьёзно.

— Очень.

— Полезный опыт.

— Мне не нравится.

— Тем более.

Путь чуть нахмурился, но спорить не стал.

Леон снова взял лист. Рядом с именами стояли маленькие отметки, несколько вариантов были перечёркнуты. «Слишком похоже на место», «так уже кого-то зовут», «красивое, но не я». На последней записи он задержался.

— Оно уже понимает, что может быть «не я».

— Да.

— Быстро.

Путь ничего не ответил.

— Ты тоже об этом думаешь? — спросил Леон.

— Кассиус думает.

— Я спрашиваю про тебя.

После паузы Путь признался:

— Иногда. Когда оно училось говорить или спрашивать разрешение, я понимал, что происходит. Это были правила, которые можно объяснить. Теперь оно выбирает то, чего раньше вообще не существовало.

— Себя?

Путь посмотрел на список.

— Возможно.

Леон сел напротив. За окном светлело: сад ещё лежал в холодной тени, верхушки деревьев уже начинали золотиться.

— Ты ведь делаешь примерно то же самое.

— Я уже существовал отдельно.

— Но не выбирал, кем быть вне своей функции.

Путь отвёл глаза.

Леон подвинул к нему лист.

— Может, тебе тоже составить список.

— Нет.

— Почему?

— Потому что Ян увидит.

Леон рассмеялся.

— Справедливо.

Сверху донёсся грохот, затем голос Яна:

— Всё нормально!

Леон посмотрел на потолок.

— Никто не спрашивал!

— Я заранее!

Путь улыбнулся.

Первый Дом просыпался.

◆

Через двадцать минут спустился Ян. Первым делом прочитал предупреждение внизу списка.

— «Не выбирать за меня». Тогда зачем оставили нам?

— Чтобы помочь, — ответил Путь.

Ян спросил как, но Путь ещё не знал. Мальчик сел за стол и начал читать.

Джеки, стоявший возле плиты, обернулся.

— Это имена? — спросил Джеки.

— Варианты, — ответил Путь.

Ян нахмурился.

— Вот это ужасное.

— Ян, — сказала вошедшая Виолетта.

— Что? Если мы должны помочь, надо говорить честно.

— Можно честно и не так.

— Хорошо. Это имя совершенно не подходит.

— Почему?

Ян посмотрел на неё.

— Не знаю. Просто не подходит.

Путь спросил, как Ян это определил. Тот не мог объяснить — просто почувствовал.

— Но имя выбирает оно. Значит, твоё чувство неважно?

Ян задумался.

— Не совсем. Если спросит, нравится ли мне, я могу сказать. Но решать всё равно ему. Путь кивнул.

Джеки подошёл ближе и прочитал несколько строк.

— А вот это красивое.

Ян поморщился.

— Нет.

— Почему?

— Слишком серьёзное.

— Имя может быть серьёзным.

— Для него не подходит.

— Ты только что сказал, что не нам решать.

— Я не решаю. Я обсуждаю.

Виолетта взяла себе чай.

— Вот теперь вы понимаете, почему оно написало предупреждение.

К третьему имени Леон прислонился к спинке стула.

— Кажется, помощь идёт прекрасно.

— Джеки выбирает ему имя, — сообщил Ян.

— Я не выбираю.

— Ты сказал, что это лучшее.

— Из списка.

— Это и есть выбор.

— Нет, это мнение.

— Очень громкое мнение.

Джеки посмотрел на Леона.

— Почему я вообще с ним спорю?

— Потому что тебе нравится.

Ян мгновенно повернулся.

— Вот!

— Что «вот»?

— Тебе нравится спорить со мной.

Джеки хотел возразить, но остановился.

— Иногда.

Ян довольно улыбнулся. Виолетта тем временем молча читала список.

— Тебе какое нравится? — спросил Путь.

Она подняла глаза.

— Не скажу.

— Почему?

— Потому что я знаю себя. Если назову, потом начну незаметно убеждать остальных, что именно оно подходит лучше.

— Ты это делаешь?

Виолетта улыбнулась.

— Иногда. Удобно считать, что хорошо понимаешь других. Через какое-то время начинает казаться, будто понимаешь их лучше, чем они сами. И это бывает очень плохо.

Ян указал пальцем на лист.

— Поэтому моё имя я выбрал сам.

Джеки тихо сказал:

— Да.

Ян посмотрел на него, задержался на мгновение, затем снова повернулся к списку.

— Всё равно вот это ужасное.

Виолетта рассмеялась.

Кассиус увидел лист последним. Ян уже ушёл в школу, Джеки занялся своими делами, Виолетта унесла книгу на веранду. За столом оставались Леон и Путь.

Кассиус прочитал список, сел и прочитал ещё раз, ничего не сказав.

— Ну? — спросил Леон.

— Что?

— Ты молчишь слишком долго.

— Думаю.

— Это опасно.

Кассиус пропустил шутку мимо ушей.

— Кто предложил эти имена?

— Оно нашло их само. Некоторые слышало от нас. Другие, думаю, из старых воспоминаний.

Кассиус придвинул лист и указал на одно из слов:

— Вот об этих воспоминаниях мне и хотелось бы узнать. Этого имени я не слышал несколько сотен лет.

Леон перестал улыбаться.

— Чьё оно?

— Не человека.

— Тогда чего?

Кассиус немного помолчал.

— Места. Дорога к нему исчезла задолго до появления Первого Дома. Что стало с самим местом, мы не знаем.

Леон нахмурился.

— Но существо могло знать его раньше.

— Именно.

Леон посмотрел на слово в списке. До сих пор они обсуждали, какое имя подойдёт существу; теперь за этим словом стояла память о недоступном месте, более древнем, чем знакомые им дороги.

— Нам нужно понять, что именно оно помнит.

— Не сейчас, — сказал Путь.

Кассиус поднял голову.

— Почему?

— Оно попросило помочь с именем.

— А оставило на нашем столе слово, которое здесь уже почти никто не помнит.

— И ты хочешь немедленно начать расспрашивать.

— Да.

Путь покачал головой.

— Не надо.

Кассиус прищурился.

— Ты запрещаешь?

— Я прошу. Это разные вещи. Дорогу я тебе не закрываю.

Леон молча смотрел на них.

— Не смотри так, — сказал Кассиус. — Как будто ждёшь, что мы поссоримся.

— Я как раз надеюсь. Вы оба наконец говорите то, что думаете.

Кассиус откинулся на спинку стула.

— Я думаю, что мы слишком увлеклись идеей его взросления и забываем, чем оно было.

— Я не забыл, — ответил Путь.

— Тогда должен понимать риск.

— Понимаю.

— Не похоже.

Леон ждал резкого ответа, но Путь заговорил спокойно:

— Ты считаешь, что если мы не зададим вопрос сегодня, завтра будет поздно.

— Возможно.

— А я думаю, что если каждый раз, когда оно добровольно показывает нам часть себя, мы будем использовать это как возможность допросить его о прошлом, оно перестанет показывать.

Кассиус не ответил сразу.

— Мы не можем строить безопасность на доверии.

— Только на недоверии тоже не можем.

Кассиус долго молчал.

— Я не предлагаю допрос, — сказал он наконец.

— Хорошо.

— Я хочу спросить об одном имени.

— Тогда сначала скажи, почему спрашиваешь.

— Ему?

— Да.

Кассиус задумался.

— И если оно откажется отвечать?

Путь посмотрел прямо на него.

— Тогда откажется.

— И тебя это устроит?

— Нет.

Ответ удивил Кассиуса.

— Но ты примешь?

Путь кивнул.

— Да.

Кассиус снова посмотрел на список.

— Хорошо.

Леон улыбнулся.

— Интересно наблюдать, как вы учите одному и тому же с противоположных сторон.

— Не начинай.

◆

Вечером существо само попросило о встрече. Путь открыл соединение у внешней границы сада; до этого, насколько он мог судить, оно к Дому не приближалось. Ян принёс список.

— Мы не выбрали, — сообщил он почти сразу.

— Хорошо.

— Но обсуждали.

— Я знало.

Кассиус мгновенно поднял голову.

— Откуда?

Путь посмотрел на него.

Существо ответило спокойно:

— Потому что для этого оставило.

Кассиус немного расслабился.

Ян сел на траву. Джеки предупредил, что земля холодная, и они коротко поспорили о способности пятнадцатилетнего человека определять температуру того, на чём сидит. В конце концов Джеки принёс плед.

— Это не мне, — сказал Ян.

— Конечно.

Джеки расстелил плед рядом. Через минуту Ян молча пересел на него; Виолетта сделала вид, что не заметила.

— Ты уже выбрало? — спросила она.

— Нет.

— Что мешает?

Существо некоторое время молчало.

— Они все могут быть мной.

— Почему?

— Потому что пока ни одно не я.

Путь вспомнил слова Миры:

— Имя сначала может ничего не значить, а потом наполняется человеком. Она так сказала.

— Мира?

На этот раз он не испугался.

— Да.

Существо задумалось.

— Значит, я могу выбрать неправильно.

— Можешь, — сказал Ян.

Все посмотрели на него.

— Что? Может же.

— И что тогда? — спросило существо.

— Поменяешь.

— Снова?

— Да.

— Сколько раз?

Ян пожал плечами.

— Сколько надо.

— Но тогда первое имя перестанет быть моим?

На этот раз ответила Виолетта:

— Не обязательно. Оно может остаться именем того, кем ты было в определённое время.

— Тогда у человека может быть несколько «я»?

— Думаю, человек вообще постоянно немного меняется.

Кассиус тихо сказал:

— При этом оставаясь собой.

Существо повернулось к нему.

— Как?

Кассиус усмехнулся.

— Если однажды выяснишь, расскажи.

Виолетта улыбнулась.

— Кассиус, тебе не нравится мой список? — спросило существо.

Он напрягся.

— Почему ты так решило?

— Ты долго смотришь на одно слово.

Кассиус опустил глаза к листу.

— Оно меня беспокоит, — признался Кассиус. Он назвал слово. — Так называлось место, дорога к которому исчезла задолго до Первого Дома. Я хочу понять, что ты о нём помнишь. Это может быть важно для нас.

Пространство за границей чуть изменилось; Путь почувствовал это сразу.

— Ты знаешь это место?

Долгая пауза.

— Да.

— Откуда?

Существо молчало. Кассиус ждал, не повторяя вопроса. Путь наблюдал за ним.

Наконец прозвучало:

— Я не хочу сейчас рассказывать.

Кассиус сжал губы.

— Хорошо.

Леон повернулся к нему.

Кассиус не посмотрел.

— Но это важно? — спросил он.

— Да.

— Для нас?

Ещё одна пауза.

— Возможно.

Кассиус медленно выдохнул.

— Тогда я хочу, чтобы ты рассказало, когда сможешь.

— Хорошо.

Кассиус больше ничего не потребовал. Леон повернулся к нему и встретил предупреждающий взгляд.

— Даже не начинай.

— Я молчу.

— Ты очень выразительно молчишь.

После этого вернулись к именам. Ян всё-таки назвал вариант, который считал ужасным, и существо призналось, что ему он тоже не нравится. Джеки защищал свой любимый, пока Виолетта не спросила, почему он так настойчиво убеждает собеседника. Он осёкся и признал, что снова увлёкся.

Леон слушал. За триста лет он привык к решениям, цена которых была велика: найти или потерять, открыть или закрыть, довериться или погибнуть. Здесь можно было ошибиться, пожить с неудачным именем и передумать. Он смотрел, как Ян ведёт пальцем по списку, и не торопился предлагать своё.

— Леон, ты ничего не сказал. Какое имя нравится тебе?

Он взял список. Один вариант нравился ему больше остальных: короткое мягкое имя, напоминавшее слово из давно исчезнувшего языка.

Он уже собирался назвать его.

Потом увидел внизу:

Не выбирать за меня.

— Не скажу.

Ян удивлённо поднял брови.

— Почему?

— Потому что я знаю себя не хуже Виолетты. Если скажу, потом начну ждать, что оно выберет именно его.

Виолетта улыбнулась.

— Добро пожаловать.

— Спасибо.

Существо спросило:

— Но оно тебе нравится?

— Да.

— Тогда я хочу знать.

— Точно? — переспросил Леон.

— Да.

Он назвал имя. Существо повторило его дважды, затем сказала:

— Красивое.

— Мне тоже кажется.

— Но не я.

Леон почувствовал неожиданное облегчение.

— Хорошо.

— Ты не расстроился?

Он прислушался к себе.

— Немного.

— Почему?

— Потому что мне хотелось угадать.

— Ты ошибся.

— Да.

Существо помолчало.

— И ничего не произошло.

Леон улыбнулся.

— Именно.

Позднее остальные ушли в дом, а существо попросило Пути задержаться у соединения. В саду холодало, поднимался лёгкий туман. За спиной светились окна, из кухни доносились неразборчивые голоса.

— Я понял кое-что.

— Что?

— Выбирать страшно не только потому, что можно ошибиться.

— А почему ещё? — спросил Путь, дождавшись паузы.

— Потому что если выбираешь сам, потом нельзя сказать, что это сделали с тобой.

Путь медленно поднял голову.

Существо продолжило:

— Когда границу создали без меня, я могло ненавидеть границу. Когда меня оставили в моём месте, я могло ненавидеть место. Когда вы сказали «нет», я могло ненавидеть ваше «нет».

Связь стала тише.

— Но если имя выберу я и оно мне не понравится, это будет мой выбор.

Путь смотрел в тёмный сад.

— Да.

— Это свобода?

Путь не сразу ответил. Вспомнил дороги, которые открывал для других, свою долину, паряпину на двери чужого дома, камень с берега и Мирино «пока».

— Часть свободы, — сказал он.

— Мне не нравится.

Путь неожиданно рассмеялся.

— Мне тоже.

— Тогда почему люди так хотят свободу?

Он задумался.

— Возможно, потому что альтернатива хуже.

— Когда выбирают за тебя?

— Да.

Существо долго молчало.

— Я всё равно хочу выбрать.

— Помню.

— Даже если ошибусь.

— Хорошо.

— Но не сегодня.

— Хорошо.

Связь начала закрываться, затем снова стала отчётливой.

— Путь.

— Да?

— То имя, которое я никому не говорю...

Он почувствовал, как мгновенно вернулось любопытство.

— Что с ним?

— Сегодня оно мне уже не нравится.

Путь улыбнулся.

— Тогда хорошо, что не сказало.

Существо словно задумалось.

— Да.

И ушло.

На следующее утро список снова лежал на кухонном столе. Некоторые имена были перечёркнуты, появились новые. Под прежним предупреждением теперь стояло:

Но можно говорить, что думаете, если я спрашиваю.

Леон улыбнулся. Подошёл Ян с карандашом, наклонился над листом.

— Даже не думай, — сказал Леон.

— Что?

— Писать возле того имени, что оно ужасное.

— Но теперь можно говорить, что думаем.

— Если спрашивает.

Ян перечитал.

— Точно.

Он положил карандаш.

Ян подумал и придвинул лист к середине стола, чтобы никто не поставил на него чашку. Леон заметил это движение, но ничего не сказал.

Когда Елена вернулась после нескольких дней отсутствия, она почти буднично предложила Леону уехать с ней.

— Я нашла место на севере. Там месяц почти не бывает дождя. Поедешь?

Леон посмотрел в окно. Когда-то он согласился бы прежде, чем мать закончила фразу: упустить возможность быть рядом казалось невыносимым. Теперь за окном Ян пытался починить что-то, что явно не просило о починке. Из кухни доносился голос Джеки, на подоконнике лежал забытый Виолеттой карандаш.

— Нет, — сказал он.

Елена не сразу ответила.

— Не хочешь туда?

— Может, и хочу. Но не на месяц.

— Из-за Дома?

Леон покачал головой.

— Из-за себя.

Елена села напротив.

— Я думала, ты захочешь поехать со мной.

— Я тоже.

— И?

Леон усмехнулся.

— Оказалось, найти тебя и следовать за тобой — не одно и то же.

Елена долго смотрела на него, затем кивнула и не стала убеждать. Через два дня уехала одна.

Леон остался потому, что выбрал остаться.

Глава 9. Представиться

В четверг Ян задержался после школы почти на два часа и никого об этом не предупредил. Сам он не сразу связал одно с другим.

Учитель физики разрешил ему, Марку и ещё двум ребятам из старшего класса пользоваться кабинетом после уроков. В дальнем шкафу обнаружили старый лабораторный блок питания, несколько измерительных приборов и коробка деталей, которые школа собиралась списать. Время исчезло где-то между первой попыткой запустить двигатель и спором о том, почему схема работает совсем не так, как должна по расчётам. Телефон лежал в рюкзаке с выключенным звуком.

Только выйдя из школы, Ян увидел семь сообщений от Джеки и ещё два от Виолетты. Последнее сообщение Джеки состояло всего из трёх слов:

Напиши, что жив.

Ян остановился посреди тротуара. Марк, шедший рядом, оглянулся:

— Что? Ты так посмотрел, будто тебя сейчас убьют.

— Не убьют.

Ян показал экран. Марк прочитал и понимающе кивнул.

— У меня мать такая же.

— Джеки не моя мать.

— Тогда отец?

— Нет.

— Брат?

Ян замолчал.

За всё время их знакомства Марк ни разу не спрашивал об этом. В рассказах Яна Джеки оставался просто Джеки; после знакомства в Доме Марк тоже не стал ничего уточнять.

— Сложно, — сказал Ян.

Марк пожал плечами и пошёл дальше. Ян догнал его.

— И всё?

— А что?

— Тебе не интересно?

— Интересно.

— Тогда почему не спрашиваешь?

Марк посмотрел на него.

— Ты же сам сказал, что сложно.

Ян помолчал, затем открыл сообщения и написал Джеки:

Жив. Задержался в физкабинете. Иду домой.

Ответ пришёл почти мгновенно.

Хорошо.

Ни вопроса, почему не предупредил, ни упрёка, ни требования немедленно позвонить. Ян перечитал короткий ответ. Это почему-то оказалось хуже.

Ян убрал телефон.

— Теперь тебя точно убьют? — спросил Марк.

— Нет.

— Тогда почему лицо такое?

— Потому что он ничего не написал.

Марк посмотрел на него с недоумением.

— Вы очень странные.

— Я знаю.

Джеки действительно ничего больше не написал.

Пока ответа не было, он то ходил по кухне, то выходил в человеческий мир проверить телефон: в Доме обычной связи не было. Во время одного из выходов с ним пошла Виолетта и тоже написала Яну. Вернувшись, Джеки попытался убедить остальных, что совершенно спокоен. Никто не поверил.

Виолетта трижды предложила ему заняться чем-нибудь полезным, Леон предложил чай. Кассиус попросил перестать ходить между окном и дверью: это мешало сосредоточиться. Путь некоторое время наблюдал, затем спросил:

— Почему ты не идёшь искать?

Джеки остановился.

— Потому что он не ребёнок.

— Он ребёнок.

— Не в этом смысле.

Путь нахмурился.

— В каком смысле?

— В сложном.

— Опять.

Леон улыбнулся. Джеки посмотрел на Пути:

— Потому что он должен иметь возможность задержаться после школы и не превращать это в чрезвычайное происшествие.

— Но ты беспокоишься.

— Да.

Джеки провёл рукой по волосам.

— Но моё беспокойство не означает, что Ян должен всё время жить так, чтобы я не беспокоился.

Путь долго смотрел на него.

— Это трудно.

— Очень.

— Тогда зачем?

Джеки так и не ответил. Вскоре снова вышел проверить телефон. Уже в человеческом мире тот завибрировал; Джеки схватил его, прочитал сообщение и закрыл глаза.

Начал печатать ответ, остановился, удалил. Написал снова — и снова стёр. В итоге отправил одно слово:

Хорошо.

Вернувшись на кухню, он сообщил:

— Жив. Задержался в школе.

Леон усмехнулся.

— Поздравляю.

Виолетта посмотрела на часы.

— Значит, скоро будет.

Путь попросил показать ответ.

— И всё?

— Да.

— Но у тебя много вопросов.

— Очень много.

— Почему не задаёшь?

Джеки положил телефон на стол.

— Сначала хочу услышать, что он сам расскажет.

— Ты всегда так делаешь?

— Нет. Пытаюсь не быть собой.

— Получается?

— Нет.

Путь кивнул, словно записал внутри себя ещё одно правило. Леон заметил это.

— Только не превращай всё, что мы делаем, в правила. Завтра Джеки поступит иначе.

— Почему?

— Люди непоследовательны.

— Это плохо?

— Иногда. Иногда нет.

Кассиус, не отрываясь от записей, произнёс:

— Чаще плохо.

Виолетта улыбнулась.

— Не слушай его.

— Я всё слышу.

— Понимаю.

Когда Ян вошёл в дом, никто не выбежал ему навстречу, хотя он почему-то этого ожидал. На кухне оказались все. Это тоже показалось подозрительным.

— Привет.

— Привет, — ответил Леон.

Виолетта улыбнулась, Кассиус кивнул. Путь сказал:

— Ты жив.

— Да, — ответил Ян.

— Джеки очень беспокоился.

Джеки закрыл глаза.

— Спасибо.

Путь вопросительно посмотрел на него, но Джеки не стал объяснять. Ян повернулся к Джеки:

— Извини.

Тот явно не ожидал.

— За что?

— Телефон не посмотрел. Надо было написать.

— Да.

Ян нахмурился.

— Ты мог бы сказать «ничего страшного».

— Но я два часа думал, что случилось что-то страшное.

— Джеки, — тихо сказала Виолетта.

— Я не ругаю.

Ян слышал: Джеки действительно не ругал.

— Я понимаю.

— Хорошо.

После небольшой паузы Джеки спросил, что они делали. Теперь это прозвучало просто как вопрос. Ян сел за стол.

— У нас учитель физики разрешил после уроков оставаться в кабинете. Там есть старое оборудование. Мы хотим собрать одну штуку.

— Какую?

— Пока не знаем.

Леон рассмеялся.

— Это заразно.

— Мы знаем примерно.

— Уже лучше.

Ян начал рассказывать: сначала коротко, потом подробнее. Через несколько минут уже рисовал на салфетке схему, объясняя, почему Марк ошибается с блоком питания. Джеки задавал вопросы, половину ответов не понимал, но продолжал слушать. Путь наблюдал за ними.

Когда Ян закончил, Джеки спросил:

— И вы теперь будете оставаться после школы?

— Иногда.

— В какие дни?

Ян напрягся, и Джеки сразу добавил:

— Я не запрещаю. Просто хочу знать, когда примерно тебя ждать.

— Пока не решили.

— Тогда пиши, если задерживаешься.

— Хорошо.

— Одного сообщения достаточно.

Ян кивнул. Салфетка со схемой осталась между ними на столе.

◆

За ужином Ян рассказал о другом.

Учитель предложил им через несколько месяцев показать проект на школьной выставке технических работ.

— Какой проект? — спросила Виолетта.

— Мы ещё не решили.

— А согласились?

— Да.

Джеки поднял голову.

— Ты согласился участвовать?

Ян сразу услышал эту интонацию.

— Да.

— Там надо выступать? Перед людьми?

— Наверное.

— Ян... Ты уверен?

Все остальные молчали. Ян ждал этого вопроса и всё равно мгновенно разозлился.

— Да.

— Я просто спросил.

— Нет. Ты думаешь, что я не смогу.

— Я этого не сказал.

— Но подумал.

Джеки тоже напрягся.

— Я знаю, что тебе тяжело выступать перед незнакомыми людьми. Потому и переживаю.

— Опять.

Ян встал, резко отодвинув стул.

— Если тебе страшно, это не значит, что я не должен этого делать.

Джеки побледнел.

— Я не говорил, что не должен.

— Но каждый раз, когда я хочу что-то сделать, ты сначала думаешь, что у меня не получится.

— Это неправда.

— Правда.

— Ян.

— Я сам согласился.

— Я понял.

— Нет.

Он ушёл. Кухонная дверь закрылась без хлопка, но звук услышали все.

◆

Джеки остался сидеть перед остывающим чаем.

— Ну? — спросил он через некоторое время.

Никто не ответил.

— Вы все сейчас что-то думаете.

Кассиус поднял глаза.

— Хочешь услышать?

— Нет.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Джеки посмотрел на него.

— Ненавижу этот дом.

— Это пройдёт.

Виолетта не улыбнулась.

— Ты действительно испугался, — сказала Виолетта. — Только, кажется, не за нынешнего Яна.

Джеки нахмурился.

— А за кого?

— За того, которого помнишь.

Он отвернулся. Леон вспомнил мальчика, которому был нужен чужой ориентир: ошибка могла означать для него потерю опоры. Нынешний Ян сам согласился участвовать в выставке. Возможно, Джеки всё ещё видел рядом с ним того, кого когда-то приходилось удерживать.

— Он изменился, — сказала Виолетта.

— Я знаю.

— Знать недостаточно.

Джеки посмотрел на закрытую дверь кухни.

— А если он не справится?

— Тогда не справится, — ответил Путь.

Все повернулись к нему. Он сидел совершенно спокойно.

— Что? — спросил Джеки.

— Ян сказал, что если имя окажется неправильным, можно выбрать другое.

— При чём здесь имя?

— При выборе.

Путь помолчал, подбирая слова.

— Вы все объясняете существу, что свобода означает возможность ошибиться. Но когда ошибиться может Ян, тебе это не нравится.

Джеки смотрел на него. Леон медленно улыбнулся.

— Не помогай.

— Почему?

— Потому что слишком хорошо получается.

Джеки закрыл лицо ладонями.

— Прекрасно. Теперь меня воспитывает Путь.

— Я не воспитываю.

— Это было образно.

— А.

Виолетта всё-таки улыбнулась. Джеки опустил руки.

— Я не хочу, чтобы ему было больно.

— Знаю, — сказала она.

— И понимаю, что не могу всё предотвратить. Но мне от этого не легче.

— А никто не обещал, что станет легче.

Джеки долго молчал, затем поднялся.

— Пойду поговорю.

Виолетта покачала головой.

— Опять не сейчас?

— Дай ему немного времени. Он закрылся у себя.

Джеки посмотрел на потолок.

— Я когда-нибудь начну ненавидеть двери.

Путь тихо сказал:

— А я начинаю их любить.

◆

Примерно через час Ян спустился сам. Никто к нему не поднимался. На кухне остались только Джеки и Путь; остальные разошлись. Ян сел напротив Джеки.

— Я не думаю, что ты хочешь мне запретить.

— Хорошо.

— Но ты всегда сначала пугаешься.

— Да.

Ян не ожидал такого простого признания.

— Почему?

Джеки посмотрел на него:

— Потому что я слишком хорошо помню, как тебе было трудно раньше.

— Я не раньше.

— Знаю.

— Тогда почему?

— Потому что память не меняется с той же скоростью, что человек.

Ян задумался. Путь сидел возле окна и отвёл взгляд.

— Я могу провалить выступление, — сказал Ян.

Джеки кивнул.

— Можешь.

— Могу вообще не выйти.

— Можешь.

— Могу забыть всё.

— Да.

— И всё равно хочу попробовать.

Джеки выдохнул.

— Тогда попробуй.

Ян посмотрел на него:

— Даже если будет плохо?

— Даже если будет ужасно.

— Спасибо.

Джеки улыбнулся.

— Только одно условие.

Ян сразу насторожился.

— Какое?

— Если захочешь помощи с подготовкой, скажи.

— Это не условие.

— Знаю. Я хотел проверить, заметишь ли.

Ян рассмеялся.

Напряжение не исчезло, но стало легче. Ян поднялся и у двери остановился.

— Джеки.

— Что?

— Я не хочу, чтобы ты вообще перестал переживать.

Джеки удивлённо посмотрел на него.

— Просто не решай из-за этого за меня.

Он медленно кивнул.

— Постараюсь.

Ян ушёл.

Путь продолжал смотреть в окно.

— Что? — спросил Джеки.

— Ничего.

— Ты уже слишком долго живёшь с нами. Я теперь не верю этому слову.

Путь повернулся.

— Я думаю, что граница между людьми всё время движется.

— В каком смысле?

— Ян хочет, чтобы ты беспокоился, но не решал за него. Хочет помощи, когда попросит.

Хочет рассказывать, но не всё.

— Добро пожаловать в отношения.

Путь задумался.

— Это очень неудобно.

— Наконец-то мы в чём-то полностью согласны.

На следующий вечер существо попросило поговорить со всеми. Список оно не принесло.

Они вышли в сад. Путь открыл соединение у внешней границы, на прежних условиях.

Кассиус проверил его и сел рядом с Виолеттой.

— Я хочу попробовать кое-что, — сказала существо.

Леон и Кассиус напряглись.

— Что? — спросил Путь.

— Представиться.

Ян, сидевший на ступеньке, поднял голову.

— Ты выбрало имя?

— Нет.

— Тогда как?

— Не знаю, — ответило существо после паузы. — Поэтому хочу попробовать.

Виолетта улыбнулась.

— Хорошо.

— Что люди говорят, когда представляются?

Ян ответил первым:

— «Привет, я Ян».

— И всё?

— Обычно.

— Это очень мало.

— А ты чего ожидало?

— Не знаю. Что нужно объяснить, кто ты.

Леон покачал головой.

— Обычно нет. Человек узнаёт это потом.

Существо задумалось.

— Тогда имя — обещание?

— Какое? — спросила Виолетта.

— Что потом можно узнать остальное.

Никто сразу не ответил. Леон посмотрел на Виолетту; она чуть улыбнулась.

— Мне нравится.

— Это правда?

— Иногда. Если человек хочет, чтобы его узнавали.

— А если не хочет?

— Тогда имя может быть просто именем.

Помолчав, существо попросило Яна представиться.

— Ты знаешь меня.

— Всё равно.

Ян неловко встал.

— Привет. Я Ян.

— Здравствуй, Ян.

За ним представились Джеки, Виолетта, Кассиус и Леон. Последним остался Путь.

— Привет, — сказал он. — Меня пока называют Путём.

Существо повторило:

— Пока.

— Да.

Теперь все ждали. Пространство за границей стало плотнее, словно существо пыталось собрать себя в точку, из которой можно было говорить.

— Здравствуйте, — произнесло оно и остановилось. — Здравствуйте. Я...

Никто не подсказал имя. Путь слушал затянувшуюся паузу после «я». Прежде это слово означало всё пространство за границей; теперь существо искало продолжение, которое отделило бы его от остального.

— Не получается, — сказала существо.

— Ничего, — ответил Ян. — У меня тоже не сразу получилось.

Существо повернулось к нему.

— Ты боялся?

Ян подумал.

— Да.

— Чего?

— Что если назовусь по-другому, стану кем-то другим.

— Стал?

Ян посмотрел на Джеки, потом снова к границе.

— Нет. Наверное, я просто начал понимать, что уже другой.

Существо долго молчало.

— Тогда имя не меняет?

— Может менять то, как ты себя видишь. Но оно не делает всё вместо тебя.

Виолетта посмотрела на Яна с удивлением.

— Что?

— Ничего.

— Опять.

Она улыбнулась.

Существо попробовало ещё раз:

— Здравствуйте. Я...

Снова остановилось, но на этот раз пауза показалась Пути иной — словно существо примеряло разные слова. Наконец произнесло:

— Пока не знаю.

Ян улыбнулся.

— Тоже представление.

— Правда?

— Конечно. «Привет, я пока не знаю».

— Это странно.

— Ты вообще довольно странное.

Джеки тихо сказал:

— Ян.

— Что? Мы все странные.

Существо неожиданно спросило:

— Это плохо?

Ян пожал плечами.

— Мне нормально.

Сначала Леон решил, что пространство дрогнуло. Потом понял: существо смеялось. Звук был тихим, непривычным и несколько раз прерывался. Такого они прежде не слышали.

Виолетта посмотрела на Пути. Тот стоял неподвижно, Кассиус молчал. Даже Ян перестал улыбаться и слушал. Смех закончился.

— Что это было? — спросило существо.

Леон тоже рассмеялся.

— Кажется, тебе было смешно.

— Я не хотело.

— Обычно так и бывает.

— Это выбор?

— Не всегда.

— Хорошо.

Помолчав, существо призналось:

— Мне понравилось.

И засмеялось снова, на этот раз намеренно. Получилось хуже. Ян фыркнул:

— Вот теперь странно.

— Почему?

— Потому что специально.

— Я учусь.

— Ладно.

◆

После разговора существо попросило Пути остаться. Остальные постепенно разошлись по дому. Когда сад опустел, оно заговорило:

— Я поняло, чего не хватает.

— Для имени?

— Да.

— Чего?

— Я всё время выбираю слово так, будто оно должно объяснить меня.

Путь вспомнил Миру.

— А оно не должно.

— Нет.

— Тогда что должно?

Существо долго молчало.

— Быть тем, на что я захочу обернуться.

— Хорошо сказано.

— Мира сказала?

— Нет.

— Значит, я само.

В голосе прозвучало что-то похожее на гордость.

— Само, — подтвердил Путь.

Существо помолчало.

— А ты оборачиваешься, когда говорят «Путь»?

— Да.

— Значит, это уже твоё имя.

Путь посмотрел на окна дома.

— Возможно.

— Но ты всё равно хочешь другое.

Он не ответил.

— Почему?

Путь думал долго.

— Потому что когда говорят «Путь», я иногда не понимаю, зовут меня или то, что я должен сделать.

Существо словно замерло.

— Тогда тебе тоже нужно слово, которое ничего от тебя не требует.

Путь молчал. В слове «Путь» почти всегда слышалось продолжение: желание куда-то попасть, кого-то найти, что-то открыть. Он уже думал о другом имени, но теперь смог различить, чего именно ему не хватает. Услышать обращение и знать, что от него хотят только одного — чтобы он повернулся.

— Да, — сказал он наконец.

— Тогда мы ищем разное.

— Что ищешь ты?

— Слово, на которое захочу обернуться.

— А я?

Существо ответило:

— Слово, на которое можно обернуться и не открывать дверь.

Связь закрылась. Путь остался один.

◆

Позже он вошёл в дом и нашёл Леона на кухне. Тот спросил, всё ли нормально.

— Да.

Путь сел напротив. Леон ждал, и на этот раз Путь сам начал разговор:

— Если бы я выбрал имя, ты бы привык?

— Думаю, да.

— Быстро?

— Нет. Я очень долго называла тебя Путём и наверняка буду ошибаться.

— А если мне это не понравится?

— Скажешь.

— А если тебе будет трудно?

Леон улыбнулся.

— Это будет моя проблема.

Путь посмотрел на него.

— Люди часто так говорят, а потом делают свою проблему чужой. Ты тоже?

— Конечно.

— Тогда откуда мне знать, что не сделаешь?

Леон задумался.

— Никак. Наверное, доверие не в том, чтобы заранее знать, что человек всё сделает правильно. А в том, чтобы верить, что если он ошибётся, с ним можно будет об этом поговорить.

Путь медленно кивнул.

— Это неудобно.

— Да.

— Опасно.

— Иногда.

— И люди всё равно так живут.

— Другого способа пока не придумали.

Путь посмотрел на него.

— Полезный ответ.

Леон рассмеялся.

— Я учусь.

В ту ночь Путь долго не мог успокоиться. За последние месяцы он начал позволять себе отдых: иногда переставал следить за дорогами и прислушиваться к изменениям пространства, просто оставался в своей комнате. Теперь сидел возле стола, на котором лежал камень. За дверью было тихо.

Он мысленно произнёс несколько имён. Ни одно не подошло.

— Путь.

Слишком привычно. Он действительно оборачивался на это слово, но внутри почти всегда скрывалось продолжение.

Путь, открой.

Путь, покажи.

Путь, отведи.

Путь, найди.

Путь, помоги.

Когда-то он не замечал в этом тяжести. Теперь после каждой просьбы слышал, чего ждут именно от него.

Путь подошёл к двери и положил ладонь на ручку. За ней никто не стоял, никто его не звал.

А он хотел услышать имя. Не просьбу, не направление, не функцию — просто слово, означающее только его.

Он ещё не знал, как оно будет звучать.

Глава 10. Своё имя

Имя пришло утром, когда существо слушало дождь. Не во время большого разговора, не после открытия, которое можно было бы назвать решающим.

Дождя в его пространстве раньше не существовало. Пока это место оставалось остатком прежнего мира, где не было настоящего разделения, оно не нуждалось ни в погоде, ни в смене света, ни в расстоянии между предметами. Всё возникавшее становилось частью целого; незачем было различать, где заканчивается одно и начинается другое.

Теперь пространство медленно менялось вслед за тем, чему существо училось у других. Сначала появилась комната с дверью, которую Путь создал для него, затем расстояние между ней и всем остальным, потом поверхность, напоминавшая землю. Существо попробовало создать дерево и несколько дней наблюдало за ним, пока не поняло, что просто воспроизвести форму недостаточно. Настоящее дерево росло, менялось, теряло листья; его тень двигалась независимо от чужого желания.

С дождём оказалось ещё сложнее.

Существо видело его через чужие воспоминания задолго до того, как научилось понимать, что именно видит. Оно знало ощущение воды, звук капель, тяжесть мокрой одежды и запах земли, но все эти вещи когда-то воспринимались одновременно, без разделения на того, кто чувствует, и то, что чувствуется.

Теперь ему хотелось услышать дождь снаружи себя.

В первую попытку вода появилась сразу повсюду. Во вторую капли остановились в воздухе: существо не понимало, почему они должны падать. В третью возник ветер, которого никто не создавал намеренно.

А сегодня дождь наконец шёл. Неровный, слишком тёплый и почему-то только возле комнаты, но настоящий настолько, насколько здесь вообще могло существовать что-нибудь настоящее.

Существо сидело за закрытой дверью и слушало.

Капли ударяли по поверхности, которую оно создало вместо крыши, стекали вниз, собирались возле порога, а затем исчезали, потому что дальше для них пока не существовало места.

Когда-то исчезновение воды раздражало бы существо. Теперь оно наблюдало: не всё должно было получаться сразу.

Перед ним лежал личный лист с именами. Подборку для друзей оно переписало отдельно; та несколько дней путешествовала между его пространством и кухонным столом Первого Дома. На собственном листе почти все слова были перечёркнуты. Одни не нравились с самого начала, другие нравились слишком сильно и потому казались подозрительными, третьи переставали подходить после нескольких часов размышлений.

Нетронутым оставалось имя, которого существо никому не называло. Оно тоже разонравилось, но было первым секретом — вещью, которую можно рассказать и не рассказать. Существо оставило слово на бумаге, хотя выбирать его больше не собиралось.

Существо провело пальцами по бумаге. Они пока получались не всегда; сегодня было пять, и оно несколько раз согнуло их, наблюдая за движением. Затем снова посмотрело на список. Ни одно слово не вызывало желания обернуться.

И вдруг из памяти вернулось слово, однажды услышанное в общем разговоре: Виолетта объясняла Яну, как возвращается звук в пустом помещении. Тогда существо почти не обратило внимания.

Эхо.

Оно произнесло его вслух.

— Эхо.

Дождь продолжал стучать по крыше. Короткое слово как будто ничего не объясняло — и объясняло слишком многое. Эхо повторяло услышанное. Когда-то и существо собирало чужие голоса, возвращало мысли, не понимая, где заканчивается чужое и начинается собственное.

Первым ощущением было раздражение. Нет. Слишком похоже на прошлое.

Существо взяло карандаш, собираясь записать имя внизу списка и подчеркнуть, но остановилось.

Эхо не было самым звуком. Чтобы вернуться, звуку нужно было отразиться от чего-то отдельного: стены, скалы, границы. Без расстояния не было эха. Без отдельности тоже.

Существо медленно положило карандаш.

— Эхо.

Теперь слово звучало иначе. Не описывало прошлое, а напоминало, почему существо способно слышать собственный голос.

Оно закрыло глаза и представило, как его произносят Виолетта, Леон, Ян, Путь.

Эхо.

Существо обернулось, хотя в комнате никого не было.

В Первом Доме об этом ещё не знали. Там происходила собственная маленькая катастрофа: Ян опаздывал.

— Я не понимаю, куда делась тетрадь.

— Ты вчера делал уроки на кухне, — сказал Джеки.

— Помню.

— Значит, там.

— Там нет.

— Ты посмотрел?

Ян остановился посреди коридора.

— Нет, Джеки. Я двадцать минут ищу тетрадь и не догадался посмотреть там, где делал уроки.

Джеки открыл рот, но проходившая мимо Виолетта тихо сказала:

— Не надо.

— Я ничего.

— Вот и продолжай.

Ян снова исчез наверху. Через несколько секунд оттуда донеслось:

— Нашёл!

Джеки посмотрел на Виолетту.

— Где?

— Не спрашивай. Главное — нашёл.

— Но мне интересно.

— Переживёшь.

Ян сбежал по лестнице с рюкзаком на одном плече и тетрадью в руке.

— Пока.

— Ты завтракал?

Ян остановился, и Джеки сразу добавил:

— Всё. Забудь.

— Ел.

— Хорошо.

— И куртку надену.

— Я молчу.

— И телефон взял.

— Ян.

— Что?

— Иди в школу.

Ян улыбнулся.

— Пока.

Дверь закрылась. Джеки некоторое время смотрел ей вслед.

— Он специально.

— Конечно, — сказала Виолетта.

— Почему?

— Потому что ты реагируешь.

Джеки вздохнул.

— Когда-нибудь я перестану.

— Тогда ему станет скучно.

Они вернулись на кухню. Леон сидел возле окна; напротив Елена, заглянувшая ещё до рассвета, пила чай. Она собиралась остаться на несколько дней, но не объяснила, почему именно сейчас и чем занималась до этого. Леон пока не спрашивал.

Последним вошёл Путь. Сегодня он выглядел задумчивее обычного.

— Ты уходишь? — спросил Леон.

— Позже.

— К Мире?

Путь остановился. На кухне стало тихо, и Леон понял, как прозвучал его вопрос.

— Извини.

Путь посмотрел на него.

— Почему ты решил, что к ней?

— Потому что ты рассказывал о ней.

— Я рассказывал, что знаю её. Не говорил, что каждый раз хожу к ней.

Леон поставил чашку.

— Верно. Прости, я решил за тебя.

Путь немного подумал и кивнул.

Елена наблюдала с лёгким удивлением.

— Я многое пропустила?

— Очень, — сказала Виолетта.

— Теперь здесь все извиняются за вопросы?

— Только после того, как зададут.

— Удобно.

Леон посмотрел на мать:

— Ты надолго?

Она улыбнулась.

— Вот, например.

Леон рассмеялся.

— Ладно. Не отвечай.

— До послезавтра, — сказала Елена. — Я хотела ответить.

Путь сел за стол.

Елена посмотрела на него.

— А Мира кто? Виолетта сказала, вы познакомились.

Путь повернулся к Виолетте. Та подняла руку.

— Да, я сказала. Только имя.

— Почему?

Она задумалась.

— Елена спросила, что изменилось, пока её не было. Я ответила, что ты познакомился с человеком по имени Мира.

Путь молчал.

— Я не сказала где, — продолжила Виолетта. — Ничего о вашем общении. Но, наверное, надо было сначала спросить тебя.

Елена переводила взгляд с одного на другого.

— Если это личное, я забуду вопрос.

Помолчав, Путь покачал головой.

— Её зовут Мира. Мы встречаемся возле места, куда я иногда хожу.

Елена улыбнулась.

— Хорошо.

И больше ничего не спросила.

— Тебе не интересно? — спросил Путь.

— Очень. Но, судя по лицам, я попала в дом, где сейчас опаснее задать лишний вопрос, чем открыть неправильную дорогу.

Леон рассмеялся.

Даже Путь улыбнулся.

— Я могу рассказать, — сказал он через несколько секунд.

— Если хочешь.

— Хочу.

Путь рассказал про долину, реку и старый дом. Про Миру, которая однажды вошла без разрешения, потом вышла и постучала. Про камень. Не всё.

Когда он закончил, Елена долго молчала.

— Красивое место?

Путь задумался.

— Да.

— Тогда я рада, что оно у тебя есть.

Елена не попросила показать место, не спросила даже где. Путь почувствовал странное тепло. Рассказать самому оказалось совсем не тем же, что ответить на вопрос, от которого трудно отказаться.

После обеда существо попросило поговорить только с Путём. Внутри себя оно уже несколько часов примеряло новое слово — Эхо. Оно не исчезало, и существо пока боялось произнести его при всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.